АКАДЕМИЯ НАУК СССР
НАУЧНО-ПОПУЛЯРНАЯ СЕРИЯ

Е. А. ЗЕМСКАЯ

КАК ДЕЛАЮТСЯ СЛОВА

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ИНСТИТУТ РУССКОГО ЯЗЫКА АН СССР

Научно-популярная серия

Scan: AAW;
DjVu: Dmitry7

Scan: AAW;
DjVu: Dmitry7

Е. А. Земская

КАК ДЕЛАЮТСЯ СЛОВА

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
Москва 1963

Когда возникают новые понятия, они требуют для своего выражения и новых слов. Например; в наше время в русском языке появились такие слова, как «прилуниться» и «космодром». А знаем ли мы, как образуются новые слова? Каков «механизм» их образования и что служит для них «строительным материалом»?

Об этом рассказывается в книге Е. А. Земской. Вы узнаете, какие большие возможности таят всем известные приставки, корни, суффиксы, когда они соединяются по законам русского словообразования.

Ответственный редактор

академик В. В. ВИНОГРАДОВ

Когда говорят о языке, имеют в виду прежде всего слова. Без знания слов, притом большого их количества, нельзя знать язык, пользоваться им. Это особенно ясно видно при изучении иностранных языков. Если вы изучили звуковой состав чужого языка и его грамматику, но у вас бедный словарный запас, вы знаете мало слов, вы никогда не сможете понимать этот язык, читать и тем более говорить на нем. Конечно, одни слова без знания звукового состава и грамматического строя языка также не обеспечивают владения языком, так как только сочетание этих трех элементов составляет язык. Однако именно знание большого количества слов и умение ими пользоваться определяет степень владения языком. Вот почему слово является важнейшим элементом языка.

Знание большого количества слов, правильное их употребление важно не только при изучении иностранных языков. Оно необходимо и в родном языке, в языке, на котором мы говорим с детства. Неверно было бы думать, что все люди, говорящие по-русски, для которых русский язык родной, говорят одинаково, пользуются одними и теми же словами. Запас слов у разных людей различен. В известной мере он характеризует степень культуры человека. Учеными подсчитано, что запас слов среднего человека, говорящего по-русски, 3—4 тысячи слов, запас слов большого писателя, например Пушкина, 21 тысяча слов. Вспомните «высказывания» одного из персонажей романа Ильфа и Петрова «Двенадцать стульев» — «людоедки Эллочки», которая изъяснялась всего 30 словами!

Чем же объясняется такая разница? Различием в образовании, в условиях жизни, но, кроме этого, и разным отношением к языку. Усвоение слов родного языка отчасти происходит чисто механически, бессознательно. Человек, как губка, впитывает слова родного языка, так как он с детства окружен людьми, говорящими на этом языке. Однако наряду с таким бессознательным усвоением материнского

языка (оно особенно интенсивно протекает в детстве и не прекращается в течение всей жизни) большую роль играет активное его усвоение, осознанный интерес к языку. Поэтому люди, живущие в одинаковых условиях, имеющие одинаковое образование, говорят по-разному. Язык одних однообразен, сер и невыразителен, язык других красочен и богат.

Как же овладеть словарным запасом языка? Ведь человеческая память не безгранична. Тут человеку помогает сам язык. Он устроен так, что облегчает нам узнавание и запоминание слов. Мы с детства усваиваем вместе со словами родного языка действующие в языке законы построения (образования) слов. Это дает нам возможность вместо механического запоминания тысяч и тысяч слов сознательно подойти к языку, постичь его тайны и научиться им пользоваться как умным и удобным орудием.

1. Слова готовые и сделанные

Секрет языка, облегчающий пользование им, избавляющий человека от изнурительного и непосильного запоминания многих тысяч слов, состоит в том, что лишь часть (меньшая по объему) словарного состава языка требует такого запоминания. Это слова, которые существуют в языке как готовые единицы. Большую часть этих слов составляют наиболее употребительные, известные каждому с детства слова, такие, как *дом*, *стол*, *сын*, *вода*, *земля*, *спать*, *гулять*, *синий*, *добрый* и т. п. Языковеды называют такие слова простыми, в отличие от слов производных («сделанных» в языке). Ср. слова *домик*, *домашний*, *домище*; *столик*, *настольный*, *столовая*; *усыновить*, *сынок*; *водичка*, *водный*, *подводный*, *обезводить*; *земляной*, *землица*; *гулянье*; *синеть*, *синеватый*, *синенький*; *доброта*, *добреть* с приведенными выше. Каждому ясно, что слова второй группы связаны со словами первой, основываются на ней, являются по отношению к первым вторичными.

Простые слова подобны химическим элементам (хотя число слов несравненно более велико). Из них составляются все прочие слова. Значение простых слов никак не связано с их звуковым обликом, не вытекает из него, о нем нельзя догадаться, его нужно знать. Если вам не известно, что значат сочетания звуков, образующие слова *собака*,

лошадь, *стена*, *дело*, *окно*, *яйцо* и другие подобные, то вы догадаться об этом не можете. А значение производных слов определяется значением слов простых, мотивировано им, подобно тому, как свойства химических соединений зависят от свойств входящих в них элементов. Значение слов *столик* и *домик* мотивировано, определяется значением слов *стол*, *дом* и значением суффикса *-ик*, обозначающего уменьшительность, точно так же как значение глагола *приводить* определяется значением слова *водить* и приставки *при-*, обозначающей приближение.

2. Если бы не было производных слов

Производные слова, т. е. слова, построенные на базе других слов, составляют основной предмет нашей брошюры, посвященной тому, как делаются слова.

Зачем нужны производные слова? Каково их место в словарном составе языка? Какова их роль в языке?

Постараемся ответить на эти вопросы.

Потребности жизни общества, рост производства, развитие человеческого мышления требуют постоянного появления новых слов. Словарный состав языка пополняется, развивается и изменяется. В языке идет процесс непрерывного образования новых слов. Процесс этот подобен цепной реакции: основная масса новых слов образуется от старых, лишь незначительная часть слов возникает совершенно заново, вне связи с имеющимися в языке словами.

Посмотрим, например, как образуются новые, созданные после Октябрьской революции, названия лиц по профессии, роду деятельности, характерной черте. Значительная часть таких слов образуется с помощью суффикса *-ик*, который прибавляется к основе прилагательного на *-ный*, или суффикса *-ник*, прибавляемого к основе существительного: *колхозник*, *физкультурник*, *полярник*, *ударник*, *отличник*, *допризывник*, *дошкольник*, *курортник*, *общественник*, *единоличник*. Слова этого рода очень легко возникают по мере надобности. Работников бумажной промышленности называют *бумажниками*: «Инженеры и ученые, лесники и *бумажники*, учителя и школьники, домохозяйки и пенсионеры вносили предложения о сохранении леса, о лучшем его использовании» («Литературная газета» 13 октября 1955 г.); художников, занимающихся прикład-

ным искусством,— *прикладниками*: «За рамками газетной статьи остались такие важные вопросы, как подготовка кадров художников-*прикладников* и декораторов, оплата их труда, развитие полиграфической базы для печатной рекламы» («Известия», 1 августа 1960 г.); рабочих, производящих отделочные работы,— *отделочниками*: «Большие белые буквы уже видны на фасаде нового здания на Пушкинской площади — «Кинотеатр «Россия». С него снимают леса, а *отделочники* кладут «последние мазки» («Известия», 8 июля 1961 г.).

Возьмем еще несколько новых слов, образованных в наше время: *нахимовец*, *суворовец*, *атомник*, *электровоз*, *тепловоз*. А вот слова совсем молодые, возникшие в связи с последними событиями нашей жизни — освоением целины, запуском искусственных спутников Земли, полетами в космос: *целинник*, *Целиноград*, *лунник*, *марсник*, *прилуниться*, *вертолетчик*, *ракетчик*, *звездолет*, *звездолетчик*, *космолет*, *космошлем*, *космопроходцы*, *небопроходцы*, *космовидение*, *космоплавание*. Все эти слова тем или иным способом связаны со словами, имеющимися в языке, а не созданы на пустом месте. За этими словами, их поддерживая, стоят привычные, общеизвестные слова. Они вводят новичков в язык. Получаются цепи слов, в которые включаются новички: *атом — атомник*, *целина — целинник* (ср. *лесник*, *водник*); *Нахимов — нахимовец*, *Суворов — суворовец* (ср. *Ленин — ленинец*); *целина — Целиноград* (ср. *Ленинград*); *луна — прилуниться* (ср. *приземлиться*)[1]; *ракета — ракетчик*, *вертолет — вертолетчик* (ср. *газетчик*, *переплетчик*); *электровоз*, *тепловоз* (ср. *паровоз*); *космовидение* (ср. *телевидение*); *лунник*, *марсник* (ср. *спутник*); *космоплавание* (ср. *мореплавание*); *звездолет*, *космолет* (ср. *самолет*).

Как именно эти слова образованы, будет показано ниже. Сейчас нам важно установить, что новые слова производятся на основе старых и по их образцу, из готовых, имеющихся в языке частей.

Рассмотрим еще несколько новых слов, получивших распространение в наши дни, но не столь общепринятых, как приведенные выше, хотя вполне возможно, что некоторые из них в будущем получат права гражданства в

---

[1] Глагол *приземлиться* тоже новый, возникший в связи с развитием авиации.

языке. Особенно интересны «космические» слова подобного рода. Жителю Земли раньше не было необходимости создавать особое наименование для обитателя нашей планеты. Он назывался просто человеком, хотя для жителей отдельных частей нашей Земли — стран света, городов, поселков, деревень — существует множество специальных названий: *австралиец*, *европеец*, *американец*, *африканец*, *уралец*, *сибиряк*, *кавказец*, *костромич*, *москвич*, *ленинградец*, *лондонец*, *парижанин* и много других. Существовали названия и для обитателей некоторых планет: *марсианин*, *венерианец* (и *венерианин*). Теперь же, в связи с полетами в космос, у человека обострилось восприятие Земли как части Вселенной. Наш современник мечтает о полетах на другие планеты, о жизни в космосе. Дети с малых лет слышат о спутниках, лунниках, марсниках. Земля перестала быть для человека тем единственным местом, которым ограничивается сфера его деятельности. Поэтому для жителя Земли потребовалось особое название, отличающее его от обитателей других планет. Так появилось слово *землянин*: *Земля — землянин* (ср. *Марс — марсианин*). Это слово нередко встречается в современной прессе. Например, А. Васинский в статье «Разговор с неудачником» вполне серьезно, не желая как-либо выделить это слово, называет жителя Земли, разговаривающего с обитателем другой планеты, *землянин*: «Планета наша недостаточно была для всеобщего счастья оборудована,— возможно скажет *землянин*, — но... народ творил вокруг такую жизнь, в которой с каждым утром становилось все меньше неудачников» («Известия», 16 марта 1961 г.).

«Заглядывая в будущее, я не совсем согласен с фантастами, которые нарекли Луну гигантским космодромом *землян...*»,— рассказывает профессор С. Назаренко («Комсомольская правда», 12 апреля 1963 г.).

Слово *землянин* звучит в стихах современных поэтов. У Э. Межелайтиса в стихотворении «Любовь»:

А *землян* разбирает смех:

— Где крылатый чудак? На звезде?

А В. Крутецкий озаглавил словом «Земляне» одно из своих стихотворений:

К нам с далеких планет
Долетает:
— *Земляне*,
Мы вас ждем,

Мы вас ждем,
Мы вас ждем...

В связи с полетами на Луну и в космос появляются новые глаголы. Причины их появления аналогичны приведенным выше. Раньше глагол *приземлиться* был универсальным для обозначения спуска на землю самолета или любого другого летательного устройства. Однако обозначение того, что спуск происходит именно на землю, было не очень ярким в этом глаголе. Он обозначал вообще спуск куда-нибудь. Можно было спокойно сказать: «парашютист *приземлился* на *крышу*» (хотя логичнее было бы *прикрышился*); «самолет *приземлился* на *воду*, на *лед* или *льдину*» (а не *приводнился*, *прильдился* или *прильдинился*).

Такое употребление глагола *приземлиться* продолжалось некоторое время и после запуска наших спутников и полета ракеты на Луну. В газетах писали и по радио говорили о приземлении нашего спутника на Луне. Однако слово *приземлился*, применяемое по отношению к Луне, очень скоро начало резать слух. Ведь требовалось сообщить, что спуск произошел именно на Луну, а не на Землю. И разные люди, не сговариваясь стали говорить и писать: ракета *прилунилась*. Слово это, вначале бывшее словом-шуткой, начало употребляться всерьез. Оно звучит по радио, встречается в официальных и научных сообщениях. Н. С. Хрущев в беседе с американскими журналистами сказал: «Если ваш спутник успешно *прилунится*, то наш, который находится там уже давно, будет приветствовать его, как своего американского товарища» («Известия», 26 сентября 1960 г.).

Профессор С. Назаренко в беседе с корреспондентом «Комсомольской правды» Я. Голованом говорит: «...*прилуниться*, стартуя с Земли, легче, чем приземлиться, стартуя с Луны» («Комсомольская правда», 12 апреля 1963 г.).

Стала более яркой связь глагола *приземлиться* со словом *Земля*, и наряду с ним и аналогично ему создаются новые, пока «несерьезные» глаголы: *примарситься*, *прильдиниться*, *приводниться*, в которых сообщается, куда именно, на какую поверхность произошел спуск:

«Наконец, вот он — Марс. Я сбавляю газ, даю гудок..., *примарсяюсь*...» («Литературная газета», 1 января 1959 г.); «*Примарсятся*» на красном Марсе творцы, земляне, космонавты» (Н. Новосельнова. И вот вдали осталась где-то...).

Глагол *приводниться* утратил «несерьезность», приобрел права гражданства и стал употребляться даже в официальных сообщениях: «Нью-Йорк, 20 февраля (ТАСС). По сообщениям американских информационных агентств, космический корабль «Френдшип-7» ...*приводнился* в Атлантическом океане» («Правда», 21 февраля 1962 г.). «Всерьез» употребляется и производное от этого глагола существительное *приводнение*: «Это произошло при приземлении, вернее *приводнении* самолета» (из устной речи).

Неизвестно, какой будет судьба этой группы слов. По какому пути пойдет язык? Может быть, с освоением каждой новой планеты будет создаваться соответствующий глагол, подобный глаголу *примарситься*. А может быть, победит все-таки самый старший глагол, глагол-дедушка *приземлиться*, и люди будут спокойно говорить «*приземлился* на Марсе, Венере, Юпитере, Сатурне», так как нерационально, неэкономно создавать специальный глагол для каждой планеты (да и не от каждого названия планеты можно образовать глагол). Ведь язык любит обобщать. Слова языка называют не отдельные, единичные предметы, а обобщенные предметы, разновидности предметов. Столы, стулья, дома вообще, а не тот или иной определенный стол, стул или дом, не отдельные действия, а обобщенные действия, характеризуемые какими-либо свойствами.

Все эти примеры приведены для того, чтобы показать, что словарь языка пополняется преимущественно за счет производных слов. Идет цепная реакция образования производных слов, одно слово влечет за собой другие.

Представим себе на мгновение, что новые слова создавались бы вне связей со старыми. Тогда овладение языком было бы крайне затруднено и даже немыслимо. Существующий же в языке способ расширения словаря, кроме практического удобства — огромной экономии сил, облегчения пользования языком, имеет и другое большое преимущество: слова, связанные между собой в языке, обозначают явления, связанные между собой в реальной жизни. Таким образом связи слов в языке отражают связи между реальными предметами и явлениями действительности. Благодаря этому каждое новое производное слово не только сообщает человеку свое значение, но и говорит ему, с чем связано его появление, в ряд каких других явлений и предметов оно ставится.

3. Из чего строятся слова?

«Стройматериалы» слова

Из каких же «стройматериалов» делаются слова?

Существуют особые элементы языка, называемые м о р ф е м а м и. Морфемы — это не что иное, как известные всем из школьного обучения корни, приставки, суффиксы и окончания (флексии) слов. «Стройматериалами» слова являются с л о в о о б р а з о в а т е л ь н ы е морфемы языка (суффиксы и приставки), а также корни и основы[2] слов. Путем их различного, но вполне определенного, подчиненного строгим закономерностям соединения и создаются новые слова.

Языковеды определяют морфему как наименьшую значимую единицу языка. Как понимать это определение? Оно значит, что из всех з н а ч и м ы х единиц языка (например, слов, предложений), морфема — н а и м е н ь ш а я. Если мы будем ее дробить на более мелкие части, то уже значимых частей не получим. Действительно, морфемы состоят из звуков (одного или более), которые уже самостоятельного значения в слове не имеют. Что значит звук *б* в слове *убежать*? Ничего, так же как и звуки *е*, *ж*, *а*, *ть*. А вот звук *у* имеет значение в этом глаголе, так как *у* в этом слове не просто звук, а ввук и одновременно морфема. *У* — глагольная приставка, обозначающая удаление. Ср. ряд глаголов: *бежать — убежать*, *ползти — уползти*, *нести — унести*, *лететь — улететь*. Во всех этих глаголах прибавление приставки *у-* вносит значение удаления.

Значение морфемы обнаруживается в ряде слов, содержащих эту морфему.

Проверим, так ли это?

Возьмем несколько групп слов:

вода	белый	ход	воз
водичка	белеть	выход	перевоз
водяной	белизна	ходить	перевозить
водник	побелеть	переходить	ввоз

[2] Напомню, что такое основа. Основой называется часть слова, остающаяся после того, как от него отнимут окончание. Основа слова может состоять из нескольких морфем. В слове *учительск-ий* она состоит из четырех морфем: корня *уч-*, суффикса глаголов *-и-*, суффикса существительных *-тель* и суффикса прилагательных *-ск-*; в слове *посине-ть* из трех: приставки *по-*, корня *син-* и суффикса *-е-*. Основа может совпадать с корнем: *син-ий*, *трав-а*, *дом*, *стол*.

обводнить	побелка	переход	отвозить
обезводить	белила	отходить	вывозить
водянка	беленький	ходкий	перевозчик

В каждом столбце содержатся слова с общим корнем. Поэтому в словах каждой группы имеется нечто общее в значении, связанное с понятиями воды, белизны, хождения, возки.

Присмотримся повнимательнее к роли суффиксальных морфем в составе слова:

камен-щик	буфет-чик	учи-тель
кровель-щик	газет-чик	отправи-тель
барабан-щик	ракет-чик	писа-тель
корабель-щик	вертолет-чик	предъяви-тель
трамвай-щик	аппарат-чик	води-тель
		получа-тель

Во всех приведенных словах, благодаря присоединению к корню или основе суффикса, слово начинает обозначать лицо, а не предмет или действие, которое обозначает слово без суффикса. Несмотря на различие в звуковом составе, суффиксы *-щик*, *-чик* и *-тель* имеют нечто общее в значении, все они обозначают лиц мужского пола. Но между ними есть и различие. Суффиксы *-щик*, *-чик*, образующие существительные от имен существительных, обозначают л и ц п о п р о ф е с с и и, связанной с предметом, который называет слово (каменщик имеет дело с камнями, трамвайщик — с трамваями, газетчик — с газетами и т. д.), а суффикс *-тель* обозначает л и ц п о д е й с т в и ю (предъявитель предъявляет, отправитель отправляет и т. д.). Выполнение этого действия не обязательно является профессиональным занятием человека: учитель учит (профессия), а отправителем, получателем, предъявителем может быть и врач, и учитель, и летчик, и кто угодно.

Таким образом, в образовании этих слов участвовали суффиксы имен лиц, каждый из которых имеет свое звучание, свое значение и сочетается с определенным кругом основ (см. об этом подробнее ниже).

Имеют свое определенное значение в составе слов и приставки:

пре-милый	в-бежать	без-зубый	сверх-быстрый
пре-добрый	в-лететь	без-волосый	сверх-прочный
пре-противный	в-прыгнуть	без-ногий	сверх-высотный
пре-хорошенький	в-лезть	без-хвостый	сверх-дальний
пре-умный	в-сунуть	без-ухий	сверх-легкий
пре-глупый	в-двинуть	без-рукий	сверх-тяжелый

Значение приставки в каждой из приведенных групп слов вполне очевидно (*пре-* обозначает усиление, *в-*—направление внутрь, *без-*—отсутствие чего-нибудь, *сверх-*— проявление высшей степени качества).

Итак, морфемы — корни, суффиксы и приставки — имеют в составе слова определенное значение.

Как легко заметить, морфемы состоят из одного или нескольких звуков, которые не имеют самостоятельного значения в составе морфемы. Но почему мы все-таки говорим, что слова строятся из морфем? Ведь слова, как и морфемы, состоят из звуков. Может быть, звуки и являются строительным материалом слова?

Дело в том, что роль морфем и звуков в составе слова совершенно различна. Морфемы — это тот содержащийся в языке подготовленный материал, из которого непосредственно строят слова. Чтобы показать более ясно разницу между ролью морфемы и звука в составе слова, приведу одно сравнение. Вспомните детскую игру в кубики. Если слово подобно дому из кубиков, то морфемы — кубики, а звуки — материал, из которого их делают. Для того чтобы построить дом из кубиков, надо иметь готовые кубики. Какой же вывод следует из того, что слова строятся из морфем? Это значит, что будем ли мы изучать строение слова, разлагая его на составные части, или строить новые слова, мы должны иметь дело с морфемами. Если же мы станем разлагать слова на звуки, то не получим частей, с которыми бы связывалось какое-нибудь значение (кроме тех случаев, когда в морфему входит один звук, например, приставки *в-*, *у-*, *о-*).

Значимость морфем в слове, их выразительную роль часто используют писатели. Посмотрите, как выразительны глаголы с приставкой *за-*, обозначающей начало действия:

«Все громче, громче *загрохотало*, *заухало*, *заревело* по всей реке, и в этом окаянном шуме хлопотливо *затакал* пулемет» (А. Н. Толстой. Сестры); «Вскоре *заполыхал* костер, *зашумел чайник*, *забурлила* картошка, *зафыркала* каша, и все пошло дружно и споро» (А. Гайдар. Пусть светит).

А вот картинка — утро в Ереване из стихотворения Ирины Снеговой «Ереванское утро»:

Повысыпали школьники. Сначала
Старательные двигались. Солидно.
Потом заторопились лежебоки,

И, всех сшибая, побежали сони...
Я шла по Еревану. *Замелькало*,
Задвигалось все сразу, *загалдело*.

Повторение ряда глаголов с приставкой *за-*, обозначающей начало действия, придает всему тексту динамичность, действенность.

В следующем примере повторение глаголов с приставкой *недо-* создает особое сатирическое звучание:

«Где конфликт, я вас спрашиваю? Где? Опустив голову, Воронцов пожимал плечами и сокрушенно бормотал: Нет конфликта, Алексей Владиславович. *Недоучел... недодумал... недождал... недоосмыслил...*» (М. Левитин. Липа).

Такую же роль играет приставка *про-* в характеристике одного из персонажей повести Снегова «Иди до конца»:

«Он хуже Жигалова. Тот честный склочник и соавтор. Такого еще можно терпеть, во всяком случае легко нейтрализовать. А Черданцев — *про*лаза, *про*ныра, *про*щелыга... *Про*бойный *прой*доха. Терентьев заулыбался еще шире. — Все эпитеты начинаются с «про».—Именно! *Про*хвост — одно слово!» («Знамя», 1962, № 4).

Несколько однокоренных слов с разными суффиксами или разных слов с одним и тем же суффиксом для создания художественной выразительности часто объединял В. В. Маяковский:

...вихрились нанизанные на земную ось
карусели
Вавилониц,
Вавилончиков,
Вавилонов

(Война и мир);

Адище города окна разбили
на крохотные, сосущие светами *адки́*

(Адище города);

...идите *голодненькие*,
потненькие,
покорненькие,
закисшие в блохастом *грязненьке*

(Облако в штанах).

Это средство художественной выразительности используют и наши молодые поэты:

О, Сисим!
Я тебя отличила
навек
Среди прочих *речушек*,
и *речек*, и *рек*
(Е. Апресян. Я иду...).

Приставки в целях большей экспрессивности могут отделяться от слова, к которому они относятся:

«...в нынешнем году напечатал он в «Отечественных записках» свою *архи-* и прото-превосходнейшую статью» (В. Г. Белинский. Письмо к В. П. Боткину, 5 ноября 1847 г.); «...шатко еще искровское направление даже в таком центральном, *архи*-будто бы-искровском, учреждении, как ОК» (В. И. Ленин. Рассказ о II съезде РСДРП. Сочинения, т. 7, стр. 9); «...*архи* бы хорошая брошюра могла выйти» (В. И. Ленин. Письма. Сочинения, т. 37, стр. 452).

В отдельных случаях морфемы употребляются и как самостоятельные слова:

Демократизмы,
гуманизмы —
идут и идут
за *измами измы*
(В. В. Маяковский. 150 000 000);

Новый выпуск «*истов*»
просто направление такое
новое,—
унанимистов
(В. В. Маяковский. Пятый интернационал);

«Разве догматический «благополучизм» не так же опасен и вреден, как и всякие другие вредные «*измы*»? (А. Довженко. Искусство и современность. «Литературная газета», 19 июня 1955 г.);

Перешагни, перескочи,
Перелети, *пере-* что хочешь —
Но вырвись: камнем из пращи,
Звездой, сорвавшейся в ночи...
Сам потерял — теперь ищи
(В. Ходасевич. Перешагни, перескочи).

У М. Цветаевой в стихотворении «Поэт и царь» об отношении царя к Пушкину говорится:

Гляди, мол, страна, как, молве вопреки,
Монарх о поэте печется!
Почетно — почетно — почетно, *архи-*
Почетно, почетно — до черту!

Г. Радов в статье «Правдоха и «модерн» так объясняет различие оценок романа В. Аксенова «Звездный билет»: «Все началось с «пере». Юрий Бондарев в «Литературной газете» явно перехвалил роман... На перехлест хвалебный немедленно ответили залпом перехлестов критических... А поскольку спор шел на сплошных «пере» в ту и другую сторону, то в конце концов критики ушли от объективной ценности книги...» («Литературная газета», 16 ноября 1961 г.).

Значимость морфем в составе слова может быть доказана тем, что если бы мы, например, написали предложение, состоящее только из суффиксов, приставок и окончаний, но лишенное корней (или с выдуманными корнями), общий грамматический смысл его был бы ясен. Этот метод использовал в своих занятиях со студентами известный советский языковед Л. В. Щерба [3]. Он предложил им разобрать на занятии фразу: «Глокая куздра штéко будланýла бóкра и курдячит бокрёнка». Студенты были в недоумении и говорили, что ничего не понимают в этой фразе. Однако выяснилось, что их затруднение только кажущееся. На самом деле, несмотря на то, что эта фраза состоит из выдуманных слов, ее общий смысл понятен каждому, говорящему по-русски. Речь идет о каком-то существе (*глокая куздра*), которое что-то быстро сделало с другим существом (*будланýла бóкра*), притом взрослым, так как у него есть детеныш (*бокренок*), с которыми эта «глокая куздра» что-то продолжает делать (*курдячит*). На каком основании мы можем так рассуждать? Только потому, что при выдуманных, нереальных корнях эта фраза содержит всем известные суффиксы и окончания русского языка. Для большей наглядности можно подставить в эту фразу реальные корни и сравнить то, что получится, с первоначальной фразой: «Черная гусыня быстро щипанула кота и гонит котенка». Или: «Свирепая тигрица сильно толканула буйвола и

[3] См. рассказ об этом в кн.: Л. Успенский. Слово о словах, гл. «Глокая куздра». М., «Молодая гвардия», 1957, стр. 314—319.

тащит буйволенка». Можно придумать и другие «реальные» фразы по этому образцу. Важно, что общий смысл их будет один и тот же.

Значимость, общенародная понятность морфем — суффиксов и приставок — обнаруживается даже в тех словах, которые были придуманы отдельными людьми и не стали общепринятыми.

Известно, что поэты любят творить новые слова. Вот слова с корнем *лет*, созданные В. Хлебниковым в начале XX в. для обозначения новых понятий, связанных с рождением авиации: *летьбище* (аэродром), *летоба* (авиация), *летавица* (авиаторша)[4]. Эти слова не вошли в язык[5]. Но причина не в их непонятности. Наоборот, эти слова вполне понятны, так как понятны их составные части (корень *лет-* и суффиксы: *леть-бище* — ср. *стрель-бище*, *лет-авица* — ср. *крас-авица*, *лет-оба* — ср. *уч-еба*). Вот если бы Хлебников вместо имеющихся в языке суффиксов придумал свои, его слова были бы непонятны, даже при том условии, что корни в них были бы взяты из общего языка. Например, что могло бы значить *летвах* (где элемент *вах* выдуман из головы, отсутствует в языке)? аэродром? летчика? Неизвестно. Этот пример показывает, что даже поэты, стремящиеся к индивидуальному словотворчеству, не рвут полностью с общим языком, а строят «свои» слова на материале языка. Только это и делает их слова понятными другим людям.

Из всех морфем нас в дальнейшем будут интересовать преимущественно словообразовательные морфемы — суффиксы и приставки, так как именно с их помощью из имеющихся в языке слов строятся новые слова.

Может ли знание словообразовательных морфем помочь человеку понимать незнакомые слова, составленные

---

[4] Велимир Хлебников. Собр. произведений, т. V. Л., 1933, стр. 253—254.

[5] Интересно, что слово *летчик*, такое привычное для нас и, как нам кажется теперь, единственно возможное, не сразу укрепилось в языке. Очевидцы вспоминают, что «в 1910 году, на похоронах первой жертвы русской авиации, на массе венков были самые разнообразные слова, выбранные для обозначения профессии штабс-капитана Льва Мациевича. Писали «летун» и «летатель», и «летчик» (Виссарион Саянов. Статьи и воспоминания. Л., 1958, стр. 10). Однако более употребительным в то время было слово *авиатор*. Например, К. Чуковский в своих воспоминаниях о Л. Андрееве, написанных в 20-х годах, называет одного из наших первых летчиков Уточкина «известным авиатором» («Книга о Леониде Андрееве». Берлин — Москва, 1922).

из известных ему морфем? Дает ли оно ему возможность строить нужные слова из известных морфем? На первый вопрос можно сразу ответить: да [6].

Ответить на второй вопрос сложнее, так как процесс анализа, расчленения слова гораздо более прост, чем процесс синтеза, составления слова. Дело в том, что в сочетании морфем русский язык очень своеобразен. Ответ на этот вопрос будет дан в разделе «Как строятся слова?».

Итак, зная составные части слова, его строение, мы можем понять значение незнакомых, никогда нами ранее не слышанных слов.

Если вы встречаете, например, в «Павловских очерках» В. Г. Короленко слово *отопки*, не известное вам до сих пор («одет в ситцевую рубаху, повязанную шнурком, на ногах — *отопки*, на шее — высокий старомодный галстук»), то зная более распространенные слова: *обноски*, *осколки*, *огрызки*, *опивки*, *объедки*, состав которых вам ясен, и глагол *топать*, вы поймете и слово *о-топ-ки*.

Увидев в названии стихотворения уральской поэтессы Татьяничевой слово *брошенка* («Называли брошенкой»), вы поймете это слово по аналогии со словами *переселенка*, *выдвиженка* и т. п.

Читая в стихотворении Е. Евтушенко «Этим летом...»:

Этим летом

такой я удачник,
ибо я не дачник-*гамачник*,

. . . . . .

не жилец минераловодский —
просто грузчик лесозаводский,—

вы без всяких затруднений поймете выразительное словечко *гамачник*.

---

[6] Особенно полезно знание составных частей слова при изучении иностранных языков. Оно значительно облегчает понимание текста, дает возможность догадываться о значении многих слов, делает для нас понятными даже те слова, которые мы никогда не встречали раньше. Если вы знаете немецкое слово *der Fisch* «рыба» и такие распространенные суффиксы, как *-er* (суффикс лица мужского пола), *-in* (суффикс лица женского пола), *-en* (суффикс инфинитива), то вы поймете, что слово *der Fischer* значит «рыбак», *die Fischerin* — «рыбачка», *fischen* — «ловить рыбу». Поэтому в грамматики иностранных языков целесообразно включать алфавитные списки суффиксов и приставок с указанием их значения и способов использования. См., например: Н. Г. Гадд и Л. Я. Браве. Грамматика немецкого языка. Под ред. акад. Л. В. Щербы. Изд. 2-е. М., 1946 (в книге имеются такие списки).

Не вызовут у вас затруднения не встречавшиеся вам ранее названия профессий, образованные по аналогии с известными вам словами. «Бывает зоотехник — этот мало соображает по полеводству. Вполне возможно, будут специалисты такого профиля: *гусятник*, *овчатник*, *курятник*, а в овощеводстве — *чесночник*, *огуречник*, *тыквенник* и т. п. (Г. Троепольский. Кандидат наук).

Словообразовательные морфемы необходимо знать и еще для одной цели: для того чтобы грамотно писать. В нашей орфографии действует принцип одинакового (исключения редки) написания одной и той же морфемы независимо от ее звучания. Поэтому сознательный и осмысленный подход к орфографии (а только такой подход облегчает орфографические правила и делает их интересными) невозможен без знания составных частей слова. Мы пишем *пре-веселый*, но *при-бежать*, хотя в обоих словах произносим один и тот же звук, потому что в русском языке есть усилительная приставка прилагательных *пре-* и глагольная приставка *при-*, обозначающая приближение.

Учитывая важность знания словообразовательных морфем, ученые создают так называемые обратные словари, в которых слова располагаются по алфавиту букв, но начиная не с начала, а с конца слова [7]. В таких словарях рядом оказываются слова с одними и теми же суффиксами (например, имена лиц мужского пола с суффиксом *-ун*: *бегун*, *визгун*, *брызгун*, *лгун*, *моргун*; с суффиксом *-яга*: *здоровяга*, *бродяга*, *побродяга*, *сердяга*, *деляга*, *миляга*, *бедняга*, *парняга*, *портняга*, *симпатяга*, *работяга*; отвлеченные имена существительные с суффиксом *-изна*: *голубизна*, *левизна*, *дешевизна*, *кривизна*, *дороговизна*, *новизна*, *белизна*, *прямизна*, *желтизна*, *крутизна*).

Деятельные и бездеятельные суффиксы и приставки

Как было показано, «стройматериалами» слова являются корни, суффиксы и приставки. Однако не все суффиксы и приставки, имеющиеся в языке, используются говорящими в качестве «стройматериалов». В каждый исторический период в языке имеются такие словообразовательные

[7] В 1958 г. вышел обратный словарь русского языка, составленный в ГДР Бильфельдтом (H. H. Bielfeldt. Rückläufiges Wörterbuch der russischen Sprache der Gegenwart. Berlin, 1958).

морфемы, которые встречаются в составе существующих слов, но в образовании новых слов не участвуют. На основании этого различают два разряда морфем: суффиксы и приставки деятельные, активные, участвующие в образовании новых слов (п р о д у к т и в н ы е, как их называют языковеды), и бездеятельные, пассивные (н е п р о д у к т и в н ы е), которые в образовании новых слов уже не участвуют, но имеют определенное значение и выделяются из состава слова.

Примером деятельных в современном языке морфем могут быть суффиксы существительных *-ик* и *-ник* (*ударный — ударник, заочный — заочник, отличный — отличник, подводный — подводник, целинный — целинник, отпускник, выпускник*), приставки прилагательных *сверх-* (*сверхпростой, сверхскоростной, сверхбыстрый, сверхлегкий, сверхсрочный*), *без-* (*бесконфликтный, безболезненный, беспрограммный, безаварийный, безубыточный, бессолевой*), суффикс прилагательных *-н-* (*вертолетный, ракетный, колхозный, совхозный, цементный, бетонный, автобусный, трамвайный*).

Примером бездеятельного в современном языке суффикса может служить суффикс *-ич*, встречающийся в названиях лиц по месту жительства. Этот суффикс выделяется из состава слов: *москвич, костромич, пскович, вятич* (Вятка), *томич* (Томск), *омич* (Омск), но в образовании новых названий этого рода не участвует. Легко заметить, что среди многочисленных суффиксов, применяемых для обозначения лиц по географическому названию [8], очень активен, деятелен суффикс *-ец*. Он образует названия жителей многих городов СССР: *ленинградец, калининец, муромец, касимовец, воронежец, орловец, рязанец, астраханец, ярославец*. Даже в тех случаях, когда имеется старое слово с каким-либо другим суффиксом, нередко вмешивается этот суффикс и производит новое название. Так создаются пары *свердловчанин* и *свердловец*, *устюжанин* и *устюжец*, *пражанин* и *пражец*, *марсианин* и *марсианец*. Суффикс *-ец* не боится таких необычных для русского языка названий городов, как Тбилиси (*тбилисец*), Батуми (*батумец*), Алма-Ата (*алмаатинец*), Ялта (*ялтинец*), Баку (*бакинец*). Правда, в некоторых словах мы уже встречаем не суффикс

[8] Такие суффиксы, как *-як* (*пермяк, туляк*), *-ит* (*одессит*) в образовании новых слов совсем (или почти совсем) не участвуют (их тоже вытеснил суффикс *-ец*).

-ец, а его усложнение *-(ин)ец*: *бакинец*, *алмаатинец*, *ялтинец*. Но это усложнение строго закономерное (к суффиксу *-ец* присоединяется часть суффикса прилагательного, образованного от названия этого же города: *бакинский*, *алмаатинский*, *ялтинский*).

Убедительнее всего активность суффикса *-ец* доказывает то, что он (иногда в усложненном виде) используется для образования большинства современных наименований лиц по географическому названию: *Гана — ганец*, *Судан — суданец*, *Вьетнам — вьетнамец*, *Тунис — тунисец*, *Алжир — алжирец*, *Куба — кубинец* (ср. *кубинский*), *ОАР — оаровец* (ср. *оаровский*), *Конго — конголезец* (ср. *конголезский* от французского прилагательного *congolais*, в женском роде *congolaise* [конголез] — «относящийся к Конго»), *Лаос — лаосец* и *лаотянец* (ср. *лаосский* и *лаотянский*). Вот отрывок из «Литературной газеты», в котором рассказывается об обучении русскому языку в Университете дружбы народов: «Идет урок русского языка. За партами у окна, выходящего на новые корпуса Черемушек, в аудитории университета — молодые *индонезийцы*. *Яванцы* Субанто и Ариф Хартойо — оба с нежными, как у девушек, лицами, коренастый *суматранец* Аснам» («Литературная газета», 20 июня 1961 г.).

В этом отрывке все обозначения лиц по географическому названию образованы с помощью суффикса *-ец* (*индонезиец*, *яванец*, *суматранец*). Этот деятельный и активный суффикс вытесняет многие суффиксы, употреблявшиеся раньше для образования названий лиц по месту жительства. Суффиксы *-ич*, *-ит*, *-як* держатся в отдельных словах иногда очень упорно (попробуйте заменить суффикс *-ич* на *-ец* в слове *москвич*!), но они уже стали бездеятельными.

Бездеятельными бывают и приставки. Таковы, например, в современном языке приставки старославянского происхождения *воз-* и *низ-*. Первая обозначает направление действия вверх: *восходить* (на гору), *возносить*, *возводить*; *восхождение* (на Эльбрус) и начало действия: *возлюбить*, *воспылать*, *возрадоваться*, *возгреметь*; вторая — направление действия вниз: *низринуться*, *нисходить*, *ниспадать*, *ниспосылать*, *низлагать*, *низвести*. Даже из немногих примеров видно, что эти приставки встречаются в словах, имеющих налет торжественности, «высокости». Много из этих слов устарело. В русской классической литературе XIX в. слова с приставками *низ-* и *воз-* были более рас-

пространены, чем в современном языке. В современном языке не имеет налета торжественности, общеупотребительно всего несколько слов с этими приставками, такие, как *низвержение* (царя), *восход* (солнца), *восхождение* (термин альпинистов). Новые слова с приставками *воз-* и *низ-* не образуются. Значения, свойственные этим приставкам, легко и свободно передаются активными, деятельными приставками *вз-*: движение вверх — *взлететь*, *взбежать*, *взгромоздиться*; *с-*: движение вниз — *сбежать* (с горы), *слезть*, *сбросить* (с дерева), *сходить* (с лестницы); *за-* и *по-*: начало действия — *загреметь*, *запылать*, *зашуметь*, *заплакать*; *полюбить*, *полететь*, *побежать*.

4. Как строятся слова?

Способы построения слов

Мы познакомились со «стройматериалами» слов. Теперь нам надо узнать, какие способы их сочетания существуют в русском языке?

Самый простой и легкий способ образования нового слова — присоединение приставки. Приставки присоединяются к готовому слову. При этом всегда получается слово той же части речи, что и исходное слово: *бежать — прибежать*, *ходить — приходить*, *лететь — прилететь*, *носить — приносить* (глаголы); *противно — препротивно*, *любезно — прелюбезно*, *глупо — преглупо* (наречия); *демократический — архидемократический*, *нелепый — архинелепый*, *несчастный — архинесчастный* (прилагательные).

При этом способе словообразования значение слова обычно не меняется коренным образом, а к нему лишь добавляется некоторый оттенок. Так, глаголы с приставками *убежать*, *прибежать*, *отбежать*, *подбежать* обозначают то же действие, что и глагол *бежать*. Приставка только добавляет к их значению указание на направление движения. Глаголы *зашуметь*, *закричать*, *задвигаться* обозначают то же действие, что и глаголы *шуметь*, *кричать*, *двигаться*, приставка добавляет лишь к их значению указание на начало действия. Наречие *препротивно* и другие, прилагательное *архидемократический* и другие обозначают тот же признак, что и слова без приставок, но с оттенком большой степени его проявления.

Бóльшая часть приставок в русском языке имеет значения, подобные тем, о которых только что говорилось. Вот почему приставочный способ словообразования действует преимущественно в кругу глаголов, прилагательных и наречий. Эти части речи обозначают действия (глаголы) и признаки (прилагательные и наречия), для них особенно важно определить направление действия, время его протекания и меру или степень признака.

Для имен существительных приставочный способ словообразования не характерен. Среди существительных, конечно, тоже встречаются слова, образованные присоединением приставки: *отдел — подотдел, группа — подгруппа, станция — подстанция, разделение — подразделение, заголовок — подзаголовок; вкус — привкус; человек — сверхчеловек; история — предыстория; родина — прародина, дед — прадед, бабушка — прабабушка.* Однако число таких слов по сравнению с общей массой существительных, образованных другими способами, незначительно. В существительные этого рода, так же как в прилагательные, наречия и глаголы, приставки вносят дополнительные указания на меру, степень (*под-, при-, сверх-*) или указания временнóго характера (*пред-, пра-*).

В кругу имен существительных действует приставка *со-* (обозначающая совместность). Эта приставка с тем же значением может присоединяться к глаголам и прилагательным, однако наибольшую активность проявляет она в образовании имен существительных (*соавтор, сотоварищ, соредактор*; ср. *юридические* термины: *сонаниматель, соопекун, совладетель, сонаследник*): «Прости, мой милый Тургенев и *соарзамасец*! Прочим *соарзамасцам* — дружеский и братский поклон» (П. А. Вяземский. Письмо А. И. Тургеневу, 4 ноября 1815 г.); «Фукидид — *соученик* и друг юности Перикла» [9]; «Щепкин коварно спросил его: А почтенных *сотоварищей* своих вы упоминали тоже в шутку?» (В. Я. Брюсов. Дневники, 1891—1910); «Брюсов принимал в журнале самое ближайшее участие и как сотрудник и как *соредактор*» (там же);

Были бы живы —
стали бы
по Лефу *соредактор*
(В. В. Маяковский. Юбилейное);

[9] «Московский наблюдатель». М., 1837, ч. XI, стр. 564.

«Он [Н. А. Шифрин] был не просто художником, он всегда был *сотворцом*. Его декорации помогали донести и понять душу произведения» («Литературная газета», 8 апреля 1961 г.).

Количество приставочных существительных увеличивается в последние два века благодаря проникновению в русский язык приставок иноязычного происхождения *анти-* (со значением «против»), *архи-* и *ультра-* (со значением усиления, высшей меры, степени), способных присоединяться к существительным: *антирелигиозник, антицерковник, антидемократ, антипоповщина, антидемократизм; архиплут, архибестия, архиразбойник; ультрарадикал, ультраколониалист, ультрамонархист, ультразвук.*

Подобные существительные могут легко возникать в свободной непринужденной речи:

«...был у меня еще раз, выделывал всякие странности, пил опиум, вообще был *архисимволистом*» (В. Я. Брюсов. Дневники, 1891—1910); «Писателей-художников будут делать почетными академиками, *архиакадемиками*, но просто академиками никогда или не скоро» (А. П. Чехов. Письма).

В русском языке имеются, кроме того, имена существительные, включающие в свой состав приставки, но образованные не присоединением приставки к бесприставочному существительному, а другими способами (о которых будет говориться дальше), от глаголов с приставками. Число таких существительных велико, и способы их образования различны. Ср.: 1) *нагрузить — нагрузка, выгрузить — выгрузка, разгрузить — разгрузка*; 2) *расходиться — расхождение, приносить — приношение, приклеивать — приклеивание*; 3) *переходить — переход, выносить — вынос, входить — вход, выходить — выход*. Думать, что подобные существительные произведены от бесприставочных существительных, неверно. Во-первых, во многих случаях такого бесприставочного существительного нет совсем (*нагрузка, выгрузка — «грузка»* отсутствует, *откатка — «катка»* отсутствует), а глагол с приставкой всегда имеется. Во-вторых, по значению эти существительные всегда связаны с приставочными глаголами, а не с существительными без приставки, если они и есть. Ср.: *перевоз — перевозить, вывоз — вывозить* и *воз*; *переход — переходить, выход — выходить* и *ход*.

Второй способ образования новых слов в русском языке (самый употребительный)—п р и с о е д и н е н и е с у ф ф и к с а: *стол — стол-ик, дом — дом-ище, мяч — мяч-ик, сын —*

сын-ок, студент — студент-ка, лун-а — лун-ник, бел-ый — бел-изна, приклеива-ть — приклеива-ние, лимон — лимон-н-ый, черн-ый — черн-еньк-ий, бел-ый — бел-оват-ый. Этот способ более сложный и отличается от приставочного рядом особенностей. Как видно из приведенных примеров, этим способом образуются слова той же части речи, к которой относится исходное слово (*стол — столик, дом — домище, студент — студентка, белый — беловатый, черный — черненький*), и слова иной части речи, чем исходное слово (*лимон — лимонный, приклеивать — приклеивание, белый — белизна*). Производное слово в одних случаях отличается от слова исходного только оттенком значения (*столик, домище, беловатый, черненький*), в других случаях производное слово называет нечто совсем иное, чем слово исходное (*луна — лунник*).

Суффикс прибавляется не к готовому слову, как приставка, а к корню или основе слова (т. е. окончание слова отбрасывается): *вод-а — вод-ян-ой, приклеивать — приклеива-ние, черн-ый — черн-ота, писа-ть — писа-тель.* В отдельных (редких) случаях суффикс присоединяется к основе слова, от которой отбрасывается конечный суффикс исходного слова или его часть. Так, существительные с суффиксом *-ец*, обозначающие лиц по месту жительства, образуются от основ прилагательных, от которых отбрасывается суффикс *-ск-*: *конголезск-ий — конголез-ец, американск-ий — американ-ец, африканск-ий — африкан-ец, читинск-ий — читин-ец.* В тех случаях, когда у слова окончание отсутствует, суффикс, разумеется, прибавляется к готовому слову: *двор-ик, мяч-ик, лес-ок, кот-ище, переплет-чик, баян-ист, учитель-ница, студент-ка, апельсин-овый, трамвай-ный.*

Присоединение некоторых суффиксов к основе слова может сопровождаться дополнительным явлением. Присмотритесь к словам: *творог — творожник, книга — книжник, песок — песочница, мешок — мешочный, воздух — воздушный, пастух — пастушка.* Выделите корни в этих словах. Ясно, что в каждой паре слов корень один и тот же, хотя их звуковой состав несколько различен: *творог — творож, книг— книж, песок — песоч, мешок — мешоч, пастух — пастуш, воздух — воздуш.* Мы видим, что звуки *г* и *ж*, *к* и *ч*, *х* и *ш* все время работают вместе, как актеры-дублеры. Главные роли играют *г, к, х,* дублируют в положении перед определенными суффиксами — *ж, ч, ш.*

Присоединение же к слову приставки вызывает лишь одно изменение в его звуковом составе: если слово начинается звуком *и*, он меняется на *ы* (*отыскать*, *подыскать*, *разыграться*).

Изменение конечных согласных звуков основы перед суффиксом называется чередованием звуков, и действует оно строго, как закон. Попробуйте сказать: *книгный*, *песокница*, *творогник*, *мешокный*. Над вами будут смеяться или просто не поймут.

Чередования звуков в русском языке многообразны и прихотливы. Они не могут быть перечислены в этой маленькой книжке. Объясняются они звуковыми изменениями, действовавшими в русском языке много веков назад. В современном языке эти чередования проявляются автоматически, их усваивают в детстве и применяют без всяких раздумий и затруднений.

Существенные различия имеются не только между приставочным и суффиксальным способами производства, но и между суффиксами и приставками как строительными материалами слова.

Положение суффикса после корня приводит к тому, что он является показателем части речи и других грамматических особенностей слова. Ведь в русском языке грамматические свойства слова выражаются особыми морфемами, помещаемыми в конце слова,— окончаниями (флексиями). Вот и получается, что суффикс находится рядом с окончанием или включает его в себя.

Какую часть речи образуют суффиксы *-ун*, *-ница*, *-ость*? Несомненно, имена существительные: суффикс *-ун* — мужского рода II склонения (*горбун*, *прыгун*, *бегун*), суффикс *-ница* — женского рода I склонения (*сахарница*, *чайница*), суффикс *-ость* — женского рода III склонения (*глупость*, *старость*, *веселость*). Точно так же и глагольные суффиксы образуют глаголы, имеющие определенные грамматические свойства. Суффикс *-ыва-*(*ива-*) образует глаголы только несовершенного вида (*подпрыг-ива-ть*, *перешаг-ива-ть*, *размах-ива-ть*, *набрас-ыва-ть*), суффикс *-е-* образует от имен прилагательных глаголы только непереходные, т. е. не сочетающиеся с винительным падежом беспредложным (*бел-е-ть*, *син-е-ть*, *стар-е-ть*, *молод-е-ть*), а суффикс *-и-* переходные, т. е. сочетающиеся с винительным падежом (*бел-и-ть*, *син-и-ть*, *стар-и-ть*, *молод-и-ть*) (ср.: вдали *белеет* снег и пора *белить* потолок; он

молодеет с каждым годом и это платье бабушку *молодит*).

С этим свойством суффиксов связано и то, что в русском языке нет суффиксов, общих для слов разных частей речи: *-ну-* — суффикс только глагольный (*крик-ну-ть*, *шагну-ть*), *-оват-* — суффикс только прилагательных (*бел-оват-ый*, *черн-оват-ый*, *красн-оват-ый*, *глуп-оват-ый*), *-ота* — суффикс только существительных (*глух-ота*, *слеп-ота*, *немота*, *добр-ота*).

Иное дело приставки. Они могут присоединяться к словам различных частей речи:

раз-: *раз-несчастный*, *раз-веселый*, *раз-удалый*; *рас-прекрасно*; *рас-красавица*, *рас-потешить*, *раз-ругать*, *разогорчить*;

со-: *со-автор*, *со-гражданин*, *со-брат*, *со-товарищ*, *соредактор*; *со-воюющий*[10], *со-пиршествовать*, *со-переживать*;

сверх-: *сверх-легкий*, *сверх-быстрый*, *сверх-прочный*; *сверх-прибыль*, *сверх-человек*, *сверх-мощь*, *сверх-герой*[11], *сверх-художник*[12], *сверх-задача*[13];

архи-: *архи-нелепый*, *архи-глупый*; *архи-плут*, *архи-бестия*, *архи-бездельник*, *архи-преступник*, *архи-миллионщик*; а у Ф. М. Достоевского в романе «Подросток» встречается даже при глаголе: «Я соврал, *архи-соврал*»[14];

ультра-: *ультра-левый*, *ультра-низкий*, *ультра-фиолетовый*; *ультра-колониалист*, *ультра-монархист*.

---

[10] «*Совоюющие* стороны...» («Известия», 12 октября 1951 г.).

[11] «Это проявляется чаще всего в тех случаях, когда действуют простые люди, связанные с народом, совершающие поступки, свойственные обычному, земному человеку, а не какому-либо военачальнику — *сверхгерою*.

Отсюда и различие в гриме: условный, сделанный по строгим правилам грим-маска у *сверхгероев* и живое лицо у простолюдинов» (А. Солодовников. Встреча с Кабуки. «Литературная газета», 18 июля 1961 г.).

[12] «Насколько свято в положительном искусстве совершенствуется творчество изучением главных законов природы, настолько цинично и гордо в лагере плевел отрицается всякий труд, как признак посредственности,... чтобы сразу стать выше всего — *сверххудожником*» (И. Репин. Из черновых набросков статьи «Что такое искусство». «Репин об искусстве». М., 1960, стр. 52).

[13] «Всякая пестрота в искусстве должна иметь художественное единство, всякая суматоха — *сверхзадачу*» (М. Борисова, А. Зоркий. Радости, заботы фестиваля. «Литературная газета», 18 июля 1961 г.).

[14] Пример взят из кн.: В. В. Виноградов. Русский язык. М.— Л., Учпедгиз, 1947, стр. 255.

Широта действия приставок, их «универсальность» и прикрепленность суффиксов к определенным частям речи (и внутри них — к словам с определенными грамматическими свойствами) объясняются их различным положением в слове. Приставки начинают слова, это им дает известную независимость, автономность в составе слова, например, приставка *раз-* может начинать слово любой части речи. Суффиксы кончают слово, они зажаты между основой слова и окончанием (*син-е-ть*, *прыг-ну-ть*, *размах-ива-ть*, *говор-лив-ый*,- *задир-ист-ый*) или включают в себя окончание (например, суффиксы существительных *-щик*, *-чик*, *-ник*, *-ун*, оканчивающие слово, показывают, что они входят в слова мужского рода II склонения, так как только для этого типа склонения характерно отсутствие окончания, «нулевое» окончание). И в том, и в другом случае суффиксы не имеют такой свободы, как приставки, поэтому они неразрывно связаны со словами определенной части речи, имеющими определенные грамматические свойства.

Различны суффиксы и приставки и по характеру выражаемых ими значений. О значениях приставок уже говорилось (см. стр. 13 — 14). Значение суффиксов иное. Они могут иметь значения широкие и узкие, очень большой конкретности и отвлеченные.

Широта и отвлеченность значения свойственны суффиксам глаголов и прилагательных. Какое значение имеют суффиксы прилагательных *-н-* или *-ов-*? Посмотрите на слова с этими суффиксами: 1) *школь-н-ый*, *башмач-н-ый*, *фабрич-н-ый*, *трамвай-н-ый*, *лес-н-ой*, *карандаш-н-ый*, *календар-н-ый*, *архив-н-ый*, *профсоюз-н-ый*,- *черниль-н-ый*, *хлебн-ый*, *макарон-н-ый*, *мяс-н-ой*, *рыб-н-ый*, *транспорт-н-ый*, *газет-н-ый*; 2) *финанс-ов-ый*, *аванс-ов-ый*, *апельсин-ов-ый*, *берез-ов-ый*, *вкус-ов-ой*, *берег-ов-ой*, *год-ов-ой*, *век-ов-ой*, *рок-ов-ой*, *смотр-ов-ой*, *перед-ов-ой*. Суффиксы *-н-* и *-ов-* в словах этих и им подобных не имеют конкретного значения, они имеют, как пишут в грамматиках, о т н о с и т е л ь н о е значение, т. е. обозначают просто отношение к предмету, который назван исходным существительным.

Такие же широкие отвлеченные значения имеют и глагольные суффиксы. Вот суффиксы глаголов *-ну-* и *-е-*: 1) *шаг-ну-ть*, *прыг-ну-ть*, *крик-ну-ть*, *толк-ну-ть*, *бод-ну-ть*, *бах-ну-ть*, *звяк-ну-ть*; 2) *светл-е-ть*, *черн-е-ть*, *син-е-ть*, *зелен-е-ть*, *красн-е-ть*, *бледн-е-ть*, *розов-е-ть*, *желт-е-ть*, *молод-е-ть*, *свеж-е-ть*, *здоров-е-ть*, *стар-е-ть*, *туп-е-ть*,

умн-е-ть, *глуп-е-ть*. Как бы вы определили значения этих глагольных суффиксов? Первый имеет значение мгновенности, однократности действия: действие совершилось один раз и прекратилось. Сравните однокорневые глаголы с суффиксом *-ну-* и без него: «За стеной *кричит* ребенок.— Не мешай!— *крикнул* отец»; «Ну, *шагай* быстрее, *шагай*. Петя *шагнул* и опять остановился».

Значение суффикса *-е-* еще более отвлеченное. В глаголах, образованных от прилагательного, он обозначает «делаться, становиться каким-нибудь» (в соответствии со значением прилагательного, от которого образован глагол).

Суффиксы существительных в целом более конкретны. Есть суффиксы, служащие для образования названий лиц, предметов, отвлеченных понятий. Внутри этих общих групп имеются отдельные суффиксы, закрепленные за обозначением какой-либо узкой сферы предметов или явлений. Так, суффикс *-ина* служит для обозначения видов мяса и рыбы: *баранина*, *конина*, *осетрина*, *лососина*; *-ика* — видов ягод: *черника*, *голубика*, *клубника*, *костяника*; *-ница*— вместилищ чего-нибудь: *салатница*, *сахарница*, *чайница*, *мыльница*, *пепельница*, *перечница*, *спичечница*, *селедочница*, *сухарница*, *супница*; *-онок*, *-енок* — детенышей: *медвежонок*, *осленок*, *тигренок*, *лисенок*, *волчонок*, *львенок*, *орленок*, *вороненок*, *галчонок*, *олененок*, *лягушонок*, и даже недавно по радио в детской передаче, рассказывая о зоопарке, употребляли слова *макакенок* и *жирафенок*. Ср. у В. В. Маяковского:

Жирафке лучше:
жирафу-мать
есть
жирафёнку
за что обнимать

(Что ни страница — то слон, то львица).

Особенность имен существительных как части речи (они служат для названия всех предметов, явлений и лиц окружающего нас мира) приводит к тому, что суффиксы имен существительных самые многочисленные и разнообразные. Они классифицируют предметы действительности, как бы делят весь мир на клеточки: здесь названия людей по профессиям, здесь — по действию, здесь — по месту жительства; это — названия детенышей, а вот — названия ягод,— говорят нам наши друзья-суффиксы.

Среди суффиксов существительных есть и такие, которые имеют широкое абстрактное значение, например, суффикс отвлеченного понятия *-ость*: *смелость, дальновидность, безотрадность, сдержанность, нравственность, пресность, регулярность, легендарность, изнурительность, бойкость вдумчивость* или суффикс действия *-ние* (*-ение*): *внедрение, пение, вышивание, уточнение, соединение, озеленение, осушение, ограничение, упрощение, увеличение, удешевление, удорожание, опустошение, освещение.*

Особый случай использования суффиксального способа словообразования в русском языке — образование имен существительных, заменяющих целые выражения, «сокращающих» сложные названия, состоящие из нескольких слов, в одно слово. Примеры подобных слов приводились выше (см. стр. 21), хотя специально на эту особенность таких слов тогда не указывалось.

Слов этого рода очень много среди имен существительных с суффиксом *-ик*: *заочник* — студент заочного отделения, *дошкольник* — ребенок дошкольного возраста, *десятиклассник* — ученик десятого класса, *купальник* — купальный костюм, *грузовик* — грузовой автомобиль.

Фактически новое имя существительное в этом случае образуется от основы прилагательного, входящего в сложное название. Еще более активно «сокращает» целые выражения в слова суффикс *-ка* (и его разновидность *-лка*). При этом суффикс прилагательного обычно не входит в состав производного существительного: *многотиражка* —многотиражная газета, *узкоколейка* — узкоколейная дорога, *подземка* — подземная дорога, *трехтонка* — трехтонный грузовик, *электричка* — электрический поезд, *взрывчатка* — взрывчатое вещество, *семилетка* — семилетний план. Ср. названия московских улиц, образованные этим же способом: *Знаменка, Воздвиженка, Ильинка.* Вот несколько примеров:

«Я люблю Политехнический музей — *Политехничку*, как говорят москвичи» («Литературная газета», 2 сентября 1961 г.); «Однажды во время обеденного перерыва мы минут двадцать сидели рядом в *прорабке*» («Литературная газета», 3 августа 1961 г.); «Она работает в затоне то механиком, то *самоходкой* управляет» («Литературная газета, 29 августа 1961 г.); «В ту пору еще бедны были наши садики, и горячая *манка* с булочкой была сама по себе большой помощью родителям» («Известия», 11 августа 1961 г.).

Этот способ образования слов, заменяющих целые выражения, действует и в других славянских языках, например в чешском, где он еще более распространен, чем в русском языке. В русском языке многие из слов этого рода употребляются только в разговорной речи[15]: *Третьяковка* — Третьяковская галерея, *Политехничка* — Политехнический музей, *Литературка* — Литературная газета, *Комсомолка* — Комсомольская правда, *Мариинка* — Мариинский театр, *Салтыковка* — Библиотека имени Салтыкова-Щедрина, *зачетка* — зачетная книжка, *читалка* — читальный зал, *раздевалка* — раздевальная комната, *умывалка* — умывальная комната, *курилка* — курительная комната, *анонимка* — анонимное письмо, *манка* — манная крупа, в то время, как, например, в чешском слова, образованные этим способом, имеют более широкое распространение.

Есть еще способ построения новых слов — комбинированный: одновременное присоединение

[15] Некоторые из слов этого типа ушли из языка. Например, широко распространенное во второй половине XIX в. название железной дороги *чугунка* (от *чугунная дорога*) в наши дни уже не употребительно. А в XIX в. оно встречалось и в обычной речи, и в стихах, и в научно-деловой литературе:

Когда, как будто вихрь попутный,
Приспособляя крылья нам,
Уносит нас вагон уютный
По русским дебрям и степям,
Благословляю я *чугунку*!

(П. А. Вяземский. Когда, как будто вихрь попутный...);

Словно *чугунка* подходит — горят
Чьи-то два круглые, яркие окна

(Н. А. Некрасов. Кому на Руси жить хорошо);

«Вот я теперь по *чугунке* поеду, а Илюшка мой, может, и по воздуху полетит» (Ф. М. Достоевский. Село Степанчиково и его обитатели); «Я разумею дорогу паровую, *чугунку* и пароходы» (Ф. М. Достоевский. Маленькие картинки. В дороге); «В этом отношении могут помочь одне только железные дороги, и на первый раз — дорога от Рыбинска к Николаевской *чугунке*» («Экономический указатель». СПб., 1857, январь, вып. 2, стр.29); «недавно образовалась там еще Аудская компания железных дорог, долженствующая линиею *чугунки* соединить вновь приобретенное королевство с главною массою английских владений» (там же, стр. 31); «по соседству провели *чугунку*, и по дороге теперь почти некому ездить» (А. П. Чехов. Письмо А. Н. Плещееву, 9 февраля 1888 г.). В «Санктпетербургских ведомостях» за 5 июля 1856 г. (№148,стр. 832) слово *чугунка* встречается в следующих сочетаниях слов: «Проведение *чугунки* от Орла к Саратову», «устройство *чугунок* от Орла на север к Москве и на юг», «выбирать, которые из *чугунок* полезнее».

приставки и суффикса. Этим способом образуются глаголы, существительные и прилагательные.

Образование глагола происходит следующим способом: к целому бесприставочному глаголу присоединяются приставка и словообразовательная морфема *-ся*: *гулять — нагуляться, есть — наесться, смотреть — насмотреться, слушать — наслушаться, бегать — набегаться*; *читать — зачитаться, слушать — заслушаться, глядеть — заглядеться*; *хулиганить — исхулиганиться, писать — испи-сать*ся; *просить — допроситься, звонить — дозвониться, звать — дозваться.*

Среди глаголов, образованных комбинированным способом, имеется еще одна разновидность — глаголы, произведенные от основ имен прилагательных и существительных: 1) *дешев-ый — у-дешев-ить, пошл-ый — о-пошл-ить, сложн-ый — о-сложн-ить, водн-ый — об-водн-ить*; 2) *земл-я— при-земл-иться, кулак — рас-кулач-ить, лес — об-лес-ить.* Особенно интенсивно этот тип глаголов развивается в XX в.

Исходным материалом для образования прилагательных и существительных служит не отдельное слово, а сочетание существительного с предлогом: 1) *на столе — на-стольн-ый, под водой — под-вод-н-ый, около уха — около-уш-н-ый, за стеной — за-стен-н-ый*; 2) *при Амуре — При-амур-ье, за Кавказом — За-кавказ-ье, по Волге — По-волж-ье, без дорог — без-дорож-ье.* При этом в составе нового слова предлог преобразуется в приставку. Таким образом, новое слово составляется из основы существительного, к концу которой прибавляется суффикс, а к началу приставка: 1) *за Кавказом — за-кавказ-ск-ий, под кожей — под-кож-н-ый, при дороге — при-дорож-н-ый, вне школы — вне-школь-н-ый, после обеда — после-обед-енн-ый, до войны — до-воен-н-ый*; 2) *за Карпатами — За-карпат-ье, по реке — по-реч-ье, по берегу— по-береж-ье, без денег — без-денеж-ье.*

Комбинированный способ, так как в нем участвуют и приставки, и суффиксы, характеризуется чертами, свойственными и приставочному, и суффиксальному способам: производные слова могут относиться к той же части речи, что и исходное слово (*плавать — на-плавать-ся, капризничать — до-капризничать-ся*) и к иной (*за кулисами — закулис-н-ый, внутри вены — внутри-вен-н-ый*). При этом способе образования слов, так же как и при суффиксальном, происходят чередования звуков: *без дороги — без-дорож-ье,*

без денег — без-денеж-ье, по реке — по-реч-ье, по Волге — по-волж-ск-ий.

Четвертый распространенный способ образования новых слов — словосложение, построение сложных слов. Словосложением образуются преимущественно имена существительные (*пар-о-воз, пар-о-ход; бетон-о-мешалка, олен-е-вод*) и прилагательные (*темн-о-серый, бледн-о-лиловый, розоват-о-синий, пепельн-о-серебристый, крупн-о-блочный, железн-о-дорожный*). Как видно из примеров, особенностью образования сложных слов является использование соединительного гласного звука (*о* или *е*): *вод-о-лечение, овц-е-вод*. Звуки *о* и *е* являются в таких случаях словообразовательными элементами. Они выполняют чисто строительную роль, соединяют между собой два корня в одно слово.

Способом сложения в наше время образуется много слов, необходимых для названия новых предметов и явлений действительности: *электровоз, тепловоз, турбовоз, электроход, вертолет, шлакобетон, электролечение*.

Широкое использование сложных слов, особенно прилагательных,— отличительная черта русской поэзии (торжественной, романтической) XVIII — XIX вв. Общеизвестно, что у таких поэтов, как Г. Р. Державин, В. А. Жуковский, сложные слова были одним из характернейших средств художественной выразительности.

Приведу примеры употребления сложных слов из стихотворений менее известных поэтов начала XIX в.:

Меж тем к Олимпу руки вздела
От наводняемых холмов
Столповенчанная Цибела,
Почтенна мать богов
(А. Х. Востоков. К Теону);

И в воды пал с высот *огнекрылатый* змий
(В. Раевский. Элегия);

... нами матери часто менялись,
Каждая сына другой *сладкомлечною* грудью питала...
(А. А. Дельвиг. Друзья);

Во имя Делии прекрасной,
Во имя пламенной любви,

Тебе, летунье *сладкогласной*,
Дарю свободу я.— Лети!
(А. А. Дельвиг. К птичке, выпущенной на волю),

Но не забудьте ясных дней,
Забав, веселий *легкокрылых*
(Д. В. Веневитинов. К друзьям на новый год);

И во тьме с востока веет
Тихогласный ветерок
(И. И. Козлов. Венецианская ночь);

И неба *огнезвездный* свод,
И тихое луны мерцанье,
И говор листьев, и плесканье
Луной осеребренных вод —
Невольно душу все пленяло
(И. И. Козлов. Чернец);

Так на крыльях грозы ужасной
Несется гром *далекогласной*
По неизмерным небесам
От облаков ко облакам
(С. П. Шевырев. Я есмь);

Мимолетом часто блещут
Белокрылые ладьи
(С. П. Шевырев. Две реки);

Грозна, прекрасна, ангел бога
С *огнесверкающим* челом!
(А. С. Хомяков. Покаявшейся Руси);

И льются стройно песнопенья,
Как *сладкозвучная* волна.
(А. С. Хомяков. Два часа).

Каждому видно, что такие прилагательные не употребляются в нашей обычной речи.

В целом для русского языка способ словосложения не так характерен, как, например, для немецкого или древнеиндийского, где сложных слов очень много и встречаются слова, состоящие из четырех и более корней [16]. В русском языке в таких случаях используются сочетания из нескольких слов.

[16] См. об этом в кн.: Л. Успенский. Слово о словах, стр. 305

Сложные слова, включающие более чем два корня (типа *водогрязелечебница*, *турбоэлектроход*), в русском языке немногочисленны и встречаются преимущественно в терминологии.

Слова, состоящие из большого числа корней, могут также создаваться в шутку:

«Ее несносная, *задушевно-пошло-фразисто-чувствительно-восторженная* болтовня очень противна» (И. С. Тургенев. Письмо к Е. Е. Ламберт, 24/12 июня 1859 г.); «Не был ли Пушкин наведен на мысль о Цыганах *романо-эпопо-идилле-драмою* Шатобриана «Natchez»?» (В. Я. Брюсов. Дневники, 1891—1910).

В XX в. развился еще один способ образования слов, так называемый сложносокращенный. Слово основывается на соединении нескольких слов, но они входят в новое слово не целиком, а частями, в сокращении.

Этим способом образуются только имена существительные. В русском языке действует много разновидностей этого способа словообразования. Укажу наиболее распространенные из них. Слово составляется: 1) из начальных частей нескольких слов: Коммунистический Союз Молодежи — *комсомол*, политический представитель — *полпред*; 2) из начальной части первого слова и целого второго слова: сберегательная книжка — *сберкнижка*, заместитель директора — *замдиректора*, заведующий складом — *завскладом*, хозяйственный расчет — *хозрасчет*; 3) из названий начальных букв каждого слова: Союз Советских Социалистических Республик — *СССР*, Германская Демократическая Республика — *ГДР*, Московский государственный университет — *МГУ*, Всесоюзный Ленинский Коммунистический Союз Молодежи — *ВЛКСМ*; 4) из начальных звуков каждого слова: высшее учебное заведение — *вуз*, районный отдел народного образования — *роно*, Организация Объединенных Наций — *ООН*, Объединенная Арабская республика — *ОАР*; 5) из начальных звуков ряда первых слов и начальной части последнего слова: Институт мировой литературы — *ИМЛИ*.

В начале XX в. имелись лишь отдельные сложносокращенные слова типа: *ЛЕНЗОТО* — Ленское Золотопромышленное Товарищество, *ЦК* — Центральный Комитет, *военмин* — военный министр и военное министерство, *с.-р.* — социалист-революционер, *Штабарм* — Штаб армии и т. п.

Сложносокращенный способ словообразования получил особенно широкое развитие после Великой Октябрьской социалистической революции. И понятно, почему. Возникла необходимость создать много новых названий для явлений советской действительности.

Среди существительных, созданных этим способом словообразования, есть такие, которые прочно вошли в русский язык. Они стали центрами словообразовательного гнезда, от них образуются новые слова (*комсомолец*, *комсомольский*; *колхозник*, *колхозный*).

Однако в образовании сложносокращенных слов, особенно составленных не из частей слов, а из отдельных звуков или названий букв, необходима умеренность и осторожность. Сами по себе, по своей звуковой форме, эти слова непонятны, об их значении догадаться трудно. Что значит БАН, ФИАН, ВШПД, ВТО? Трудно догадаться, что это Библиотека Академии наук, Физический институт Академии наук, Высшая школа профессионального движения, Всероссийское театральное общество. Подобные обозначения, конечно, удобны своей краткостью. Однако они известны только небольшому кругу лиц. Большей части людей, говорящих по-русски, эти «слова» непонятны. Поэтому число таких обозначений не должно быть велико, пользоваться ими надо осторожно, не вводить их в общее употребление, не засорять ими язык. Вспомните страдания Вани Гальченко из «Флагов на башнях» А. С. Макаренко. Мальчику-беспризорнику посоветовали пойти за помощью в «Спон». Он долго ходил по коридорам незнакомого дома, читая надписи на дверях, но не мог догадаться, что «Социально-правовая охрана несовершеннолетних» и есть то, что он ищет. Правы поэтому наши писатели, высмеивающие обилие слов этого рода, их непонятность:

«Пришел товарищ Иван Ваныч?»—
«На заседании
А-бе-ве-ге-де-е-же-зе-кома»
(В. В. Маяковский. Прозаседавшиеся).

Есть еще способ образования слов, который используется также только для образования имен существительных. В этом способе не участвуют словообразовательные морфемы — суффиксы и приставки: именем существительным становится основа (иногда несколько измененная) глагола или прилагательного: *загибать — загиб*, *синий —*

синь. Словообразовательные суффиксы глагола и прилагательного при этом способе в имя существительное не входят: *вывих-ну-ть — вывих*, *разлом-а-ть — разлом*, *обжиг-а-ть — обжиг*, *зыб-к-ий — зыбь*, *выс-ок-ий — высь*, *глад-к-ий — гладь*.

Образование имен существительных от прилагательных сопровождается еще рядом явлений: смягчением или изменением конечного согласного звука основы (*рваный — рвань*, *глухой — глушь*, *сухой — сушь*, *тихий — тишь*) и изменением места ударения (*нечи́стый — не́чисть*, *удало́й — у́даль*).

Активнее всего этот способ применяется для образования существительных мужского рода от глаголов с приставками. Слов этого типа довольно много, и они легко образуются по мере надобности: *подвозить — подвоз*, *приносить — принос*, *переходить — переход*, *уходить — уход*, *проходить — проход*, *пробега́-ть — пробег*, *откормить — откорм*, *вывози́ть — вывоз*, *вскрикнуть — вскрик*, *зажимать — зажим*. Существительных женского рода (на *-а* и на мягкий согласный), образованных от приставочных глаголов, очень немного (например: *просека*, *запруда*, *забава*, *накипь*, *перепись*, *запись*, *надпись*, *опись*). Новые слова этого рода почти не образуются в языке.

От бесприставочных глаголов бессуффиксные существительные образуются редко. Они свойственны народной речи и в литературном языке малочисленны. Известно, что строчки из поэмы А. С. Пушкина «Евгений Онегин»:

Лай, хохот, пенье, свист и *хлоп*,
Людская *молвь* и конский *топ*

подверглись осуждению в критике того времени за то, что слова *хлоп*, *молвь* и *топ* будто бы не существуют в языке, выдуманы писателем. А. С. Пушкин в примечаниях к поэме писал: «В журналах осуждали слова: *хлоп*, *молвь* и *топ* как неудачное нововведение. Слова сии коренные русские. «Вышел Бова из шатра прохладиться и услышал в чистом поле людскую молвь и конский топ» (*Сказка о Бове Королевиче*). *Хлоп* употребляется в просторечии вместо *хлопание*, как *шип* вместо *шипения*:

Он *шип* пустил по-змеиному.

(Древние русские стихотворения).

Не должно мешать свободе нашего богатого и прекрасного языка»[17].

От имен прилагательных образуются существительные только женского рода. В отличие от «простонародных» отглагольных существительных типа *хлоп*, *топ* многие слова этого типа наделены окраской поэтичности, часто употребляются в стихах:

Из мира дольнего куда
Младые сны его уводят?..
Как знать? Незрима *глубь* сердец
(А. С. Пушкин. Тазит);

Нам в людях плоскость надоела
И к *высям* просятся мечты
(П. А. Вяземский. Меран);

Зыбь ты великая, *зыбь* ты морская,
Чей это праздник так празднуешь ты?
(Ф. И. Тютчев. Как хорошо ты, о море ночное...);

Перекликаются в свободной *выси* птицы,
Встает туман, алеют небеса
(А. А. Блок. Прозрачные, неведомые тени...);

Недвижен камыш. Не трепещет осока.
Глубокая *тишь*. Безглагольность покоя....
(К. Д. Бальмонт. Безглагольность).

Пристрастие некоторых бездарных поэтов к словам этого способа образования сатирически изображал Маяковский:

Я, ассенизатор
и водовоз,
революцией
мобилизованный и призванный,
ушел на фронт
из барских садоводств
поэзии —
бабы капризной.
Засадила садик мило
дочка,
дачка,
водь
и *гладь*.

[17] А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений в десяти томах, т. V. М.— Л., 1949, стр. 195.

«Сама садик я садила,
сама буду поливать»

(Во весь голос. Первое вступление в поэму).

Характерно, что многие из новообразований самого Маяковского этого типа подчеркнуто лишены поэтичности, нарочито грубы:

Он к нам пришел,
чтоб советскую *нищь*
на кабаки разбазаривать

(Взяточники);

Верить бы в *загробь*!
Легко прогулку пробную.
Стоит
только руку протянуть —
пуля
мигом
в жизнь загробную
начертит гремящий путь

(Про это);

толщь непроходимых шей

(Сволочи).

По-видимому, новые слова этого типа создаются только в поэтической речи и языке художественной прозы:

Рати стрекозовые
Чертят *яси* облаков,
Чистых облаков...
(ср. *ясный*)

(В. Хлебников).

Но странная из солнца *ясь*
струилась...

(В. Маяковский. Необычайное приключение...);

Я люблю родину.
Я очень люблю родину!
Хоть есть в ней грусти ивовая *ржавь*
(ср. *ржавый*)

(С. Есенин. Исповедь хулигана);

Апрельских вечеров мне снится хмарь и *сырь*
(ср. *сырой*)

(там же);

Весна моя!
Ты снова плещешь в лужах,
И вновь Москва расцвечена
Тобою в *желть* мимоз!
(ср. *желтый*)

(П. К о г а н. Весна моя!);

Ослепительной рыжины
Ходит лисанька у ручья,
Рыжей искоркой тишины
Бродит лисанька по ночам.
Удивительна эта *рыжь*...
(ср. *рыжий*)

(П. К о г а н. Лисанька).

Существительные этого типа в поэтической речи образуются иногда даже от глаголов и существительных:

На твоих ресницах льдинки,
Холод в сердце,
стынь в глазах...
(от глагола *стынуть*)

(И. Г р у з д е в. Лирическое).

Особенно любил подобные слова С. Есенин:

Так испуганно в снежную *выбель*
Заметалась звенящая жуть

(Мир таинственный, мир мой древний...);

Полюбил я седых журавлей
С их курлыканьем в тощие дали,
Потому что в просторах полей
Они сытных хлебов не видали.
Только видели *березь* да *цветь*,
Да ракитник, кривой и безлистый...

(Низкий дом с голубыми ставнями...);

В эту серую *морозь* и слизь
Мне приснилось рязанское небо...

(Я усталым таким еще не был...);

Мир осинам, что, раскинув ветви,
Загляделись в розовую *водь*

(Мы теперь уходим понемногу...);

Цветы людей и в *солнь* и в *стыть*
Умеют ползать и ходить.

(Цветы).

Таковы наиболее активные и распространенные способы образования новых слов в русском языке. Этими способами создается основная масса новых слов.

Расскажу еще об одном способе образования слов, редком, но очень интересном.

Посмотрите на слова *зонтик* и *зонт*.

Как образованы эти слова? Где слово простое и где производное? Ничего здесь нет интересного, скажете вы. От слова *зонт* с помощью суффикса *-ик* образовано слово *зонтик*. Неверно, совсем наоборот. Существительное *зонт* произведено от слова *зонтик*. Это слово (от голл. *zonne dek*), проникшее в русский язык из чужого языка, начало восприниматься в нашем языке как суффиксальное производное слово. Сочетание *-ик*, не являвшееся особой морфемой в составе этого слова, стало осознаваться как распространенный суффикс уменьшительности (ср.: *двор-ик*, *гвозд-ик*, *брат-ик*). Сделавшись «уменьшительным», слово *зонтик* естественно начало делиться на составные части: *зонт-ик*. А потом в результате отпадения суффикса образовалось новое слово *зонт*.

Этот способ словообразования называется о б р а т н ы м (слово более простое по составу образуется от более сложного). А вот вам еще одно, совсем иное словечко, произведенное таким же способом, *дояр*. Дойка коров была раньше специфически женским занятием. Поэтому для названия человека, выполняющего эту работу, в языке существовало лишь слово женского рода *доярка*. В наше время в связи с механизацией многих работ в сельском хозяйстве, в том числе и дойки, этим трудом стали заниматься и мужчины. Как же называть таких мужчин? Доярками? Суффикс женского рода *-ка* (ср.: *студент-ка*, *ассистент-ка*, *артист-ка*, *акушер-ка*, *блондин-ка*, *домосед-ка*, *аспирант-ка*, *рецензент-ка*, *оффициант-ка*) слишком явно чувствуется, чтобы слово с этим суффиксом можно было применить к мужчине. Суффикс отбросили, и возникло новое слово

дояр. Его уже можно услышать по радио, встретить в газетах:

«На одном из пароходов я познакомился с вежливым белокурым пареньком лет девятнадцати. Мы пили чай, и он рассказывал о себе: окончил десятилетку в подтаежном селе, год работал в колхозе. «*Дояром*»,— застенчиво улыбнулся он. ...Сын сибирской колхозницы, вчерашний «*дояр*», завтрашний радиотехник, он так и сказал «влюблен в балет!» («Литературная газета», 29 июня 1961 г.); «...мастер механического доения коров совхоза «Шуйский» З. И. Заботина подняла вопрос об обучении доярок и *дояров*» («Советская Россия», 28 января 1962 г.).

Случаи обратного словообразования встречаются и в других языках. Например, в английском языке на основе заимствованного из французского языка слова *chauffeur* «шофер» возник глагол *to chauffe* [ту шоф] (возить в автомобиле), так как звукосочетание, обозначаемое буквами *-eur* (произносится так же, как распространенный суффикс *-er* в словах, обозначающих действующее лицо), стало восприниматься как суффикс действующего лица. В результате этого простое, неделимое раньше в английском языке слове *chauffeur* стало членироваться на корень *chauff-* и суффикс действующего лица. Суффикс отпал, и появился глагол *to chauffe*.

Крупноблочные слова

Итак, слова строятся как бы из отдельных кубиков: *стол-* + *-ик*, *дом-* + *-ище*, *на-* + *-столь-* + *-н-* + *-ый*, *апельсин-* + *-ов-* + *-ый*. Но есть слова, подобные крупноблочным зданиям. Для их образования берутся не отдельные морфемы, а основы слов или целые слова, состоящие из соединения морфем, т. е. уже подготовленные заранее строительные конструкции. Возьмем слово *учительница*. В нем выделяются корень *уч-*, суффикс глаголов *-и-* и два суффикса существительных *-тель* и *-ница*. Однако было бы неверно думать, что слово *учительница* образовано от глагольной основы *учи-* с помощью двух суффиксов существительных — *-тель* и *-ница*. От глагольной основы образовано существительное *учи-тель*, а слово *учительница* произведено с помощью суффикса *-ница* от уже готового слова *учитель*. Образование этого слова можно было бы изобразить так: (*учи-* + *-тель-*) + *-ница*. Таких слов в языке

очень много: *вод-* + *-о-* [(*леч-* + *-ебн-*) + *-ица*], *пре-* + + (*ум-* + *-н-* +*-ый*). Поэтому членение слова на составные части не надо начинать непременно с выделения корня. Для того чтобы понять, как именно шел процесс образования слова, каким способом оно построено, нужно не только суметь разложить слово на морфемы, но и определить, в какой последовательности шло присоединение морфем друг к другу, найти то слово, от которого было непосредственно образовано интересующее вас слово.

Каким способом образованы слова *пароходство*, *железобетонщик*? В этих словах по два корня, скажете вы, следовательно, они образованы способом словосложения. Такой ответ будет неверным. Несмотря на то, что эти слова имеют по две корневые морфемы (*пар* и *ход*, *железо* и *бетон*), они образованы не словосложением, а суффиксальным способом. Материалом для этих слов послужили сложные слова, к которым присоединялся суффикс: (*пар-* + + *-о-* + *-ход*) + *-ство*, (*железо-* + *-бетон*) + *-щик*.

Точно так же слова *колхозник* и *комсомолец* по способу их образования не сложносокращенные слова, а суффиксальные слова, образованные с помощью суффиксов *-ник* и *-ец* от сложносокращенных существительных *колхоз* и *комсомол*. А как образованы слова *погрузка*, *выгрузка*, *переход*, *выход*, *перевоз*? Они произведены не способом присоединения приставки, как можно было бы думать. Это существительные, образованные от глаголов с приставками, с помощью суффикса *-ка* и бессуффиксным способом (см. стр. 25).

Итак, чтобы избежать механического выискивания суффиксов и приставок при делении слова на составные части, необходимо установить последовательность соединения морфем; найти слово, от которого непосредственно было образовано анализируемое слово. Только такой анализ дает возможность понять, как именно происходило образование слова.

Одинаковые в звуковом отношении элементы могут играть разную роль в составе слова. В глаголах *школьничать*, *столярничать*, *слесарничать*, *беспризорничать*, *либеральничать* обнаруживается один и тот же элемент *-нича-*. Однако в разных словах он играет разную роль. Если в словах *столярничать*, *слесарничать*, *либеральничать* это суффикс, служащий для образования глаголов от существительных *столяр*, *слесарь*, *либерал*, то в остальных словах

это сочетание двух суффиксов (суффикса существительных *-ник* и глагольного суффикса *-а-*), так как глаголы *школьничать*, *беспризорничать* произведены с помощью суффикса *-а-* от существительных *школьник*, *беспризорник*. Было бы неправильно думать, что слово *школьничать* образовано от слова *школа* с помощью суффикса *-нича-*. Между этими словами нет непосредственной смысловой связи. Ведь *школьничать* это значит «вести себя как школьник, подобно школьнику», а не «как в школе».

Капризы суффиксов и приставок

Посмотрим теперь, насколько знание строительных материалов слова помогает в создании новых слов. Вполне ли морфемы подобны детским кубикам, из которых построить дом легко и просто? Суффиксы и приставки как строительные материалы слова отличаются от кубиков тем, что они присоединяются не ко всем, а лишь к определенным основам или корням, причем законы их сочетания с основами не всегда легко и просто определить, хотя они инстинктивно осознаются и выполняются всеми говорящими на данном языке: каждое слово, составленное вопреки этим законам, воспринимается как отклонение от общей нормы.

Об условиях сочетаемости морфем с основами говорилось немного в предыдущем разделе — при характеристике способов словообразования. Займемся теперь обстоятельнее какой-нибудь одной морфемой.

Каковы «избирательные свойства» суффикса действующего лица *-тель*, с какими основами он может соединяться?

Совершенно очевидно, что этот суффикс сочетается только с глагольными основами. Присоединить его к основам имен существительных (например, *лодоч-тель* — ср. *лодочник*, *камень-тель* — ср. *каменщик*), или прилагательных (*слептель* — ср. *слепец*, *глуп-тель* — ср. *глупец*) абсолютно невозможно. Однако этот суффикс образует существительные и не от всех глаголов. Если мы без всяких затруднений говорим *распорядитель*, *спаситель*, *нарушитель*, *возмутитель*, *завоеватель*, *избиратель*, *предсказатель*, *изобретатель*, то слова *гулятель*, *летатель*, *прыгатель*, *ползатель* будут хотя и понятными, но покажутся всем странными, и вместо них скорее всего будут употреблены существительные *гуляка*, *летчик*, *прыгун*, *ползун*.

Прежде всего в языке должна быть потребность в слове. Если у нас уже есть слово для обозначения *прыгуна*, зачем нам создавать *прыгатель*, *прыгальщик* или еще какое-нибудь новое слово?

Кроме того, существуют чисто языковые ограничения в образовании слов. Суффикс *-тель* производит существительные не от всех глаголов, а преимущественно от переходных с основой на гласный звук. Поэтому от непереходных глаголов *ползать*, *прыгать*, *гулять* (хоть и с основой на гласный) существительные с суффиксом *-тель* образуются с трудом. Второе ограничительное условие из названных (основы должны кончаться г л а с н ы м з в у к о м) действует, по-видимому, более строго, так как от глаголов *прыгнуть*, *ползти* (основы кончаются на согласный звук) существительные с суффиксом *-тель* вообще образовать невозможно. А существительные с суффиксом *-тель*, образованные от глаголов непереходных с основой на гласный, хотя их и немного, встречаются в языке: *плаватель*, *ухаживатель*, *обитатель*, *мечтатель*, *владетель*, *житель*. Все это слова старые. Новые существительные от основ непереходных глаголов с помощью этого суффикса не производятся. Зато от глаголов переходных с основой на гласный существительные на *-тель* образуются легко и свободно, возникая по мере надобности:

«[Арина]: Вон он, *разлучитель*-то наш, сидит, толстый да губастый!» (А. Н. Островский. Бедность не порок); «Художник — по преимуществу натура творческая, одаренная фантазией индивидуальность, которой тягостно постоянное подчинение одной доктрине целой корпорации. В нем как *отразителе* задач своего момента возникают вдруг прямо противоположные мотивы» (И. Е. Репин. Письма об искусстве. Далекое — близкое); «...не сумели разглядеть человека, и он тут столько дров наломал с этим завинчиванием гаек... Но, честно-то говоря, не с неба свалился этот *ломатель* дров» («Литературная газета», 26 августа 1961 г.); «Заместитель директора института доцент Лишневский, не щадя фантазии, говорил на юбилее, что Арчил Нестерович — светило науки, *открыватель* новых путей, благородный рыцарь, стоящий на страже прогресса» («Литературная газета», 11 июня 1955 г.); «Ах, ты, *повторятель* маленький. Повторяешь, как обезьянка» (из устной речи); «Вот *спрашиватель* нашелся. Вечно он спрашивает» (из устной речи).

Примеров слов этого рода можно привести сколько угодно.

Вот этими-то «избирательными» свойствами, т. е. способностью присоединяться лишь к определенным основам, словообразовательные морфемы отличаются от простых кубиков, которые можно прикладывать друг к другу, как угодно. Поэтому наше сравнение слова с домом из детских кубиков, а морфем — с кубиками требует уточнения. Если морфемы кубики, то кубики не простые, а разрезные, с картинками. Эти кубики нельзя складывать как попало, только определенное сочетание кубиков даст картинку.

Все словообразовательные морфемы ограничены в возможностях их присоединения к основам. Но характер и размеры этого ограничения очень различны. Одни морфемы имеют широкие возможности сочетания с основами. Таков, например, суффикс имен прилагательных *-н-*, производящий прилагательные от основ имен существительных разного значения (*ракетный*, *вертолетный*, *бетонный*, *сезонный*, *ручной*, *ножной*, *лесной*, *рыбный*, *инженерный*, *слесарный* и мн. др.), глаголов (*разрезать — разрезной*, *сшивать — сшивной*, *раздвигать — раздвижной*, *вырезать — вырезной*), от сочетаний существительных с предлогом (*под полом — подпольный*, *при школе — пришкольный*, *за рекой — заречный*), от числительных (*четверо — четверной*, *пятеро — пятерной*, *трое — тройной*, *двое — двойной*). Это самый активный суффикс имен прилагательных, нет больше ни одного суффикса имен прилагательных, имеющего такие широкие словообразовательные связи. Зачем же мы тогда говорили об ограничениях? Может быть, у суффикса *-н-* их нет и сфера его действий безгранична? Оказывается, есть ограничения и у суффикса *-н-*. Существительные одушевленные находятся за пределами его власти. От названий животных он почти не образует прилагательных. Попробуйте, произведите прилагательные с этим суффиксом от слов: *слон*, *лев*, *тигр*, *лиса*, *корова*, *собака*, *волк*, *лошадь*, *ворона*, *лебедь*, *орел* и мн. др. Ничего не получится. С суффиксом *-н-* образуется всего несколько таких прилагательных (*конный*, *рыбный*, *устричный*, *ящеричный* — зоологический термин), а ведь названий животных множество. От названий профессий прилагательные с суффиксом *-н-* образуются (*инженер-н-ый*, *слесар-н-ый*, *столяр-н-ый* и др.), но их тоже очень немного. Например, к русским и иноязычным фамилиям и именам этот суф-

фикс никогда не присоединяется (*Пушкин-ск-ий*, *Лермонтов-ск-ий*, *Грин-овск-ий*, *Шекспир-овск-ий*). Образование прилагательных от имен лиц — область действия суффикса *-ск-*: *писатель-ск-ий*, *солдат-ск-ий*, *офицер-ск-ий*, *капитан-ск-ий*, *повар-ск-ой*, *актер-ск-ий*. Суффиксу *-н-* здесь нет места. Существуют и другие ограничения сферы применения суффикса *-н-* (звукового характера).

Наряду с такими морфемами, как *-н-* и *-тель*, область действия которых очень широка, имеются морфемы, заключенные в узкие, строго ограниченные рамки. Обычно это бывает связано с определенностью и узостью значения таких морфем. Вот перед нами морфемы *еже-* и *-дром*. Узнаёте вы их? *Еже-* — приставка, имеющая значение «каждый». С какими словами может сочетаться это *еже-*? Только со словами, обозначающими отрезки времени: *ежеминутный*, *ежесекундный*, *ежечасный*, *ежедневный*, *еженедельный*, *ежемесячный*, *ежегодный*, *ежевечерний* и т. д. Морфема *еже-* — деятельная, активная, но только в указанных пределах. Она очень удобна своей краткостью. Мы можем сказать: *ежедекадный*, *ежеквартальный*, *ежевторничный*, *ежепятничный* и т. п. Встречается даже: «*Ежедвухдневно* я хожу в плавательный бассейн». Словечко с *еже-* передает то же, что сочетание из трех слов: «каждые два дня».

По своему поведению на *еже-* похожа морфема *-дром* (от греч. δρομος «место для бега»). В русском языке это суффикс, близкий русскому суффиксу *-бище*, обозначающему место: *кладбище — класть*, *кладу*, *сходбище — сходиться*, *лежбище — лежать*, *стойбище — стоять*, *пастбище — пасти*, *стрельбище — стрелять*, *сельбище — селиться*. Сфера применения морфемы *-дром* очень узкая. Она встречается в следующих словах: *аэродром*, *планеродром*, *танкодром*, *велодром*, *ипподром*, *гипподром*. А совсем недавно возникли слова *космодром* и *ракетодром*.

По их образцу создаются шутливые слова, доказывающие что морфема *-дром* приобрела в русском языке активность и осознается как суффикс. Н. Тихонов пишет в своих «Страницах воспоминания»: «Настоящий *рюходром*, как у Павлова в Колтушах!» («Знамя», 1963, № 3, стр. 97).

Молодой поэт Ю. Панкратов мечтает о времени, «когда в дни поэтических состязаний и выступлений будет так же трудно пробиться к «*поэтодрому*», как сейчас трудно попасть на стадион» («Литературная газета», 9 августа 1962 г.).

Вероятно, в связи с дальнейшим развитием техники число слов с морфемой-*дром* будет возрастать, но эта морфема с ее конкретным значением никогда не приобретет таких широких возможностей употребления, как суффикс *-н-*, обозначающий отношение вообще, и ему подобные.

Чем шире и отвлеченнее значение словообразовательной морфемы, тем шире ее связи с основами, тем значительнее ее роль в языке. Чем у́же значение морфемы, тем ограниченнее ее связи с основами, тем меньшие возможности для образования новых слов она имеет.

Морфемы образуют новые слова в пределах отведенных им в языке возможностей. Суффикс существительных мужского рода *-ун* сочетается с основами глаголов: *ревун*, *бегун*, *лгун*, *прыгун*, *грызун*, *крикун*, *харкун*, *шалун*, *говорун*, *плясун*, *щебетун*, *ворчун*, *хвастун*, *хохотун*, *хлопотун*, *пачкун* и т. п. Существительное с суффиксом *-ун* обозначает живое существо по действию, характерному для него. Можем ли мы образовывать новые слова с этим суффиксом? Да, только в указанных границах. И такие слова постоянно создаются в речи. Они очень выразительны: «Я *сидун*. Не люблю никуда ездить.— И неправда. Вы не *сидун*, а *ходун*» (разговор на улице). Ср. также: *едун*, *шептун*, *лизун*, *орун*, *копун*, *сопун*, *шатун*. А от основ существительных и прилагательных новые слова с суффиксом *-ун* не образуются, хотя у нас есть несколько слов, ранее образованных от таких основ: *горб-ун*, *крив-ун* (кривой), *слеп-ун* (слепой).

Возможности использования морфемы, ее «избирательные» свойства не остаются вечными и неизменными в языке. Под влиянием разных обстоятельств (потребностей в образовании новых слов, изменении в соотношении близких по значению морфем) они могут меняться.

Возьмем суффикс лица мужского пола *-ец*. Прежде он образовывал существительные от основ качественных прилагательных: *глупый — глупец*, *слепой — слепец*, *ленивый — ленивец*, *счастливый — счастливец*, *ревнивый — ревнивец*, *спесивый — спесивец*, *прозорливый — прозорливец*, *нечестивый — нечестивец*. Всё это слова, образованные давно. Создаются ли новые слова такого рода? Нет. Суффикс *-ец* потерял способность сочетаться с основами имен прилагательных, а от основ существительных он легко образует новые слова: *нахимовец*, *суворовец*, *ганец* (Гана), *суданец*, *лаосец* и др. (см. стр. 21—22).

Морфемы могут расширять область своего применения. Так ведет себя суффикс отвлеченных существительных женского рода *-ость*. Было время, когда он производил слова только от прилагательных, не включающих в свой состав суффиксов: *глуп-ый — глуп-ость*, *юн-ый — юн-ость*, *сер-ый — сер-ость*, *сыр-ой — сыр-ость*. Позднее он расширил свои связи, стал сочетаться и с основами суффиксальных прилагательных (*узор-чат-ый — узорчат-ость*, *глухов-ат-ый — глухов-ат-ость*, *голос-ист-ый — голосист-ость*, *требова-тельн-ый, — требова-тельн-ость*), и даже с основами причастий (*начитанн-ый —начитанн-ость*, *запутанный — запутанн-ость*).

Вот некоторые примеры не совсем привычных слов с суффиксом *-ость* — свидетелей его активности:

«...в этих биографиях обыкновенно без разбора помещается все, что известно о характере великого человека, и очень часто приводятся какие-нибудь черты характера, не стоящие ни в какой причинной связи с *великостью* их обладателя» («Северный вестник»);

Поклонись, царица, Царевне,
Царевне золотокудрой:
От твоей *глубинности* древней —
Голубиной кротости мудрой.
Ты сильна, царица, *глубинностью*,
В твоей книге раззолочены страницы

(А. Блок. Царица смотрела заставки...);

«При всей своей *базарности* Венеция не может стать пошлой» (В. Брюсов. Дневники, 1891—1910);

Хорошо бы, как ветками ива,
Опрокинуться в *розовость* вод.

(С. Есенин. Закружилась листва золотая...);

Мне хочется домой, в *огромность*
Квартиры, наводящей грусть.
Войду, сниму пальто, опомнюсь,
Огнями улиц озарюсь.
Перегородок *тонкоребрость*
Пройду насквозь, пройду, как свет.
Пройду, как образ входит в образ
И как предмет сечет предмет

(Б. Пастернак. Мне хочется домой...);

Тусклый свет фонарей и
ступенек *скрипучесть*,
Ночь да степь —
ни огня, ни следа...
(И. Харабаров. Пристань на Енисее);

Зыбучесть дюн,
И *скользкость* автострад...
(Л. Мартынов. Да здравствуют искатели дорог!);

Как оглушительна эта земная *медовость*,
Как упоительно это журчанье в кустах.
Все околдовано зноем, медлительной ленью.
(В. Боков. Из летней тетради);

...Вы, ноги, сдержите *пудовость*?
Ходите вдумчиво и ровно
(Г. Горбовский. В грузчики);

Человек в космосе —
это смерть
косности,
это жизнь —
каждому
с молодой жаждою!..
Всех сердец
сверенность —
на его компасе.
Это —
наш первенец —
человек в космосе!
(С. Кирсанов. Это — наш первенец).

За пределами сферы влияния суффикса *-ость* оставались долгое время прилагательные с суффиксом *-ск-*. В XIX в. этот непокорный суффикс стал слегка поддаваться деятельному *-ость*. Возникают отдельные слова от прилагательных с суффиксом *-ск-*: *детский — детск-ость*, *светск-ий — светск-ость*, *великосветск-ий — великосветск-ость*, *людск-ой — людск-ость*, *зверск-ий — зверск-ость*. Из них лишь первые три вошли в язык — не режут слуха, кажутся нам вполне обычными. Однако наступление суффикса *-ость* на прилагательные с суффиксом *-ск-* не прекратилось.

Оно идет, и в авангарде его поэты. В образной поэтической речи постоянно создаются новые слова этого типа:

Срываю розовый кизил
С такой *мальчишескостью* жадной!
Вот он по горлу заскользил —
продолговатый и прохладный
(Е. Евтушенко. Есть пустота от смерти чувств...);

На базаре Ираклиона
в бестолковой захламленности Востока
на *догреческость* Греции нет и намека
(С. Квазимодо. Минотавр в Гноссе. Пер. Л. Мартынова).

Прилагательные этого типа встречаются не только в поэтической речи. Вот пример из газеты: «Нарочитая «*простецкость*»[18], с которой герои обнажают убожество своей души, поражает» («Комсомольская правда», 14 мая 1961 г.).

Кто знает, может быть, поэты и расшатают ограничения языка, вековую устойчивость суффикса *-ск-*, и будем мы спокойно говорить: *мальчишескость* и т. п.

Узор без вышивки

Итак, установлено, что связи морфем могут быть и очень узкими (если морфема присоединяется к словам с каким-нибудь одним значением, как, например, морфема *еже-* к словам, обозначающим отрезки времени), и крайне широкими, почти безграничными. Ведь если морфема «ограничена» сочетанием со словами определенной части речи, то это ограничение по существу безграничное, так как в пределах любой части речи число слов может быть бесконечно велико.

В тех случаях, когда морфемы имеют широкие связи с основами, по отношению к отдельным словам, образованным с помощью этих морфем, бывает трудно установить, являются ли они новыми в языке или уже существовали в нем. Это относится, например, ко многим существитель-

---

[18] Прилагательное *простецкий*, от которого образовано слово *простецкость*, произведено с помощью суффикса *-ск-* (от существительного *простец*), а не с помощью суффикса *-к-*, как можно было бы думать. Получающееся в таких случаях скопление согласных звуков *цск* упрощается в сочетание *цк* (ср. также слова *молодецкий*, *ловецкий*, *мертвецкий*, *чтецкий*, *кузнецкий*, образованные при помощи суффикса *-ск-*).

ным с суффиксами *-тель*, *-ние*, *-ость*, к прилагательным с суффиксом *-н-*, к словам с некоторыми приставками.

Вы живете в гостинице. На стене приклеена опись вещей, имеющихся в номере: «Стол, шкаф, кровать, тумбочка *прикроватная*, ковер...» Слово *прикроватная* останавливает ваше внимание. Что это? Новое слово, придуманное администратором вашей гостиницы? Было ли оно в языке раньше? Неизвестно. Ясно одно: это прилагательное в случае необходимости может образовать любой человек, свободно говорящий по-русски, оно создано по действующим в языке законам образования слов (*при дороге — придорожный*, *при школе — пришкольный*, *при станции — пристанционный*, *при усадьбе — приусадебный* и т. д.). Время появления таких слов, как *прикроватный*, установить трудно. Они живут в языке под спудом, заключены в словообразовательных возможностях языка, но реально могут и не появляться, если в них нет нужды. Такие слова, имеющиеся в языке в потенции, языковеды называют потенциальными словами. Когда говорящий произносит такое слово, он не повторяет ранее слышанное знакомое слово, а создает новое слово по известному ему образцу. Новизна этих слов обычно незаметна. Если же они иной раз и кажутся новыми, то эта новизна может быть мнимой, так как невозможно установить, когда это слово было употреблено в первый раз. По существу это не слова, а прообразы будущих слов, каркасы невыстроенных зданий или еще не вышитый узор для вышивания.

В языке имеется свободно действующая активная модель: приставка *за-* (со значением начала действия) + + глагол. Этим способом произведено очень много «начинательных» глаголов: *забе́гать*, *закричать*, *зашуметь* и т. д. Глаголы с приставкой *за-* легко образуются.

Из устной речи:

«Как я рада, что ты снова *зарисовала*» (т. е. начала рисовать); «В то лето, когда я готовилась к экзамену, я *зачитала* по-французски (т. е. начала читать), а сейчас уже забываю».

Из стихотворений В. В. Маяковского:

Даже чуть
зарусофильствовал
от этой ширь!
(Киев);

С губищ
на образ
вползла бациллина —
заразная,
посидела малость
и *заразмножалась*

(Кому и на какой ляд целовальный обряд).

Из научной статьи: «С того только времени все русские люди *заговорили* и *записали* (т. е. начали писать.— *Е. З.*) двоечленными предложениями, о которых они до той поры и понятия не имели...» («Современник», 1851, т. XXVIII, отд. 3, стр. 34).

Так же легко образуются отглагольные существительные с суффиксом *-тель* (см. стр. 46), слова с суффиксом *-ние*.

Можем ли мы пересчитать все начинательные глаголы с приставкой *за-*, все существительные с суффиксами *-тель* или *-ние*? Нет, конечно. Число их неизвестно, так как возможности образования этих слов очень велики, и мы никогда не знаем, осуществлены ли они полностью, образованы ли этими способами все возможные слова или еще могут образовываться новые и новые. Поэтому составители толковых словарей не стремятся включить в словарь все слова этого рода, а дают лишь наиболее употребительные из них, указывая на широкие возможности образования подобных слов. Так, в «Толковом словаре русского языка» под ред. проф. Д. Н. Ушакова о глаголах с приставкой *за-* говорится следующее: «Так как глаголы с приставкой «за» в 1, 2 и 5 значениях[19] очень легко образуются и вполне понятны, то в словаре далее приводятся только наиболее употребительные глаголы с приставкой «за» в этих значениях»[20]. Включать в словарь все слова этого рода невозможно и нецелесообразно. Невозможно потому, что, даже

[19] В словаре эти значения приставки *за-* характеризуются так: «1) начало действия, например, *запеть*, *залаять*; 2) распространение действия только на край, поверхность предмета, действие, только затрагивающее предмет, близко по значению к приставке [над] (спец.), например, *запилить* (*надпилить*), *варезать* (*надрезать*);... 5) вместе с окончанием «ся» образует глаголы, означающие доведение действия до крайних пределов или всецелую погруженность в действие, долго продолжающееся, например, *заглядеться*, *заработаться*...»

[20] «Толковый словарь русского языка» под ред. проф. Д. Н. Ушакова, т. 1. М., 1935, стр. 883.

стремясь к исчерпывающей полноте, мы никогда не можем быть уверены, что собрали все слова. А нецелесообразно почему? Да потому, что значение таких слов совершенно аналогично значению других слов, образованных так же. Зная несколько распространенных слов этого типа, вы легко поймете значение всех остальных. Нет смысла загромождать словарь, увеличивать его объем, включая в него слова в одно и то же время и всем понятные, и не очень частые, может быть, даже еще никем не употребленные.

Потенциальные слова отличаются от реальных слов характером своего значения. Значение потенциальных слов целиком складывается из значения составляющих их частей, в нем нет ничего индивидуального, а значение реальных производных слов, хотя оно и складывается из значения составляющих его морфем, и определяется значением исходного простого слова, всегда имеет нечто индивидуальное, свое, что нельзя узнать из модели, а необходимо знать заранее. Сравним потенциальные и реальные слова с суффиксом *-тель*. Что значат потенциальные слова, о которых мы говорили раньше, — *повторятель*, *спрашиватель* (см. примеры на стр. 46)? *Повторятель* — «тот, кто повторяет или любит повторять»; *спрашиватель* — «тот, кто спрашивает или любит спрашивать». Такое ли значение имеют реальные слова *учитель*, *писатель* и им подобные? Нет, другое. *Учитель* — это не просто «тот, кто учит или любит учить», а так же как и *писатель*, название определенной профессии, рода деятельности. Мы можем назвать лишь в шутку писателем человека, который пишет письмо или школьное сочинение. Значение реальных живых слов языка всегда включает в себя нечто своеобразное. Можно ли догадаться, что слово *электричка* обозначает именно электрический поезд, а не электрическую бритву, чайник или плитку, а слово *ночник* — ночную лампу, а не что-либо другое, связанное с ночью? Нет, это нужно знать. Интересный спор о значении слова *ночник* вели два известных русских филолога XIX в. Я. К. Грот и П. А. Плетнев.

Я. К. Грот имел обыкновение, читая «Современник», издаваемый П. А. Плетневым, сообщать ему свои замечания. Так, читая «Современник» за 1843 г. (№ 6), Я. К. Грот пишет по поводу отдела «Новые сочинения», составленного П. А. Плетневым: «Лучше всего сказанное о книге Булга-

рина, но и тут замечание о слове *ночник* несправедливо; весь Петербург знает под этим именем ночных извозчиков»[21]. В замечаниях же П. А. Плетнева на книгу Ф. Булгарина «Очерки русских нравов, или лицевая сторона и изнанка человеческого рода», говорилось:

«Вот некоторые названия из любопытных предметов, подмеченных автором и вносимых им в изображение рода человеческого: *Русская ресторация*, *Гостиный двор*, *Извощик-ночник* и т. п. Странно, что значения слова *ночник* до сих пор не знает наш писатель» [22].

П. А. Плетнев горячо возражает Я. К. Гроту, настаивая на том, что слово *ночник* никогда не употребляется для обозначения ночных извозчиков: «Ты уверяешь, будто весь Петербург знает, что извозчики, остающиеся ночью для развоза, называются *ночниками*. И это несправедливо. Начнем с того, что ни один русский мужичок никогда не говорит об одном себе: *я*. Обыкновенно, говоря про себя, он употребляет собирательное имя сословия, напр.: мы огородники из Ростова; мы плотники из Костромы; мы извозчики из Рожествина, и проч. Таким образом, попробуй спросить ночью везущего тебя извозчика, отчего он еще не на ночлеге — он тебе ответит: мы, батюшка, *ночные*, а не ночники, и тем менее: я ночник. Для последнего слова уже есть в простонародье понятие — о стакане, в котором три четверти воды и одна четверть постного масла, зажигаемого на ночь. Этого понятия ни один русский человек не перенесет к ночному извозчику» [23].

Однако аргументация П. А. Плетнева неубедительна. Дело не в том, называют ли себя сами ночные извозчики «ночниками» или они говорят «мы ночные», а в том, употребляется ли слово *ночник* в русском языке для обозначения извозчика, остающегося на работу ночью. Данные словарей и языка других писателей подтверждают мнение Я. К. Грота, а не П. А. Плетнева по этому вопросу. Впервые это значение слова *ночник* отмечено в «Словаре церковно-славянского и русского языка», где сказано: «**Ночник** *Обл.* Ночной городской извозчик» [24]. В «Толковом словаре

---

[21] «Переписка Я. К. Грота с П. А. Плетневым», т. II. СПб., 1896, стр. 90.

[22] «Современник», т. XXX, 1843, стр. 350.

[23] «Переписка Я. К. Грота с П. А. Плетневым», т. II, стр. 98.

[24] «Словарь церковно-славянского и русского языка», т. II. СПб., 1847, стр. 467.

живого великорусского языка» В. И. Даля дается более широкое толкование значения этого слова: «*ночни́к*... ночной сторож; ночной извощик; ночной вор; вообще, человек, занимающийся ночным промыслом или живущий по ночам» [25]. Слово *ночник* (в значении «ночной извозчик») встречается в физиологических очерках 40-х годов, например в очерке И. Т. Кокорева «Извозчики-лихачи и ваньки»: «Так беседует сам с собою злополучный *ванька* (он же «безколодный» и «*ночник*»), колеся Москву, рыская по улицам и закоулкам».

Ср. употребление этого слова Ф. М. Достоевским: «У крыльца стоял одинокий ванька, *ночник*, в сермяге, весь запорошенный... снегом» («Записки из подполья»).

В современном русском языке слово *ночник* сохранилось как название ночной лампы. Для обозначения ночных извозчиков оно не применяется, так как в наш век нет извозчиков, но *ночниками* называют летчиков и самолеты, летающие ночью: «Они [летчики.—*Е. З.*] столько летали ночью за это время, что все без исключения стали опытнейшими *ночниками*» (К. Симонов. От Черного до Баренцова моря); «Полковник курил, молчал, пока мы изучали радиусы действий истребителей — «*ночников*» (А. Первенцев. Честь смолоду).

Узус — законодатель

Возьмем ряд прилагательных, образованных от существительных, обозначающих отрезки времени: *дневной*, *ночной*, *утренний*, *вечерний*, *летний*, *зимний*, *осенний*. Их значение аналогично. Каждое из них обозначает «происходящий, связанный со временем, которое названо соответствующим существительным». Произведем с помощью суффикса *-ик* существительные от этих прилагательных: *дневник*, *ночник*, *вечерник*, *утренник*, *летник*, *зимник*, *осенник*. Каково значение этих слов? Словом *дневник* называют «записки, ведущиеся изо дня в день» или «тетрадь для записей заданных уроков и проставления оценок школьнику», *утренник* — утреннее представление и утренний мороз, *осенник* — ученик, имеющий переэкзаменовку на осень, *вечерник* — студент вечернего отделения,

[25] В. И. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка, Т. II. М., 1955, стр. 557.

летник, *зимник* — растения, *ночник* — ночная лампа, летчик и самолет.

Где здесь логика? Почему мы словом *утренник* называем утреннее представление, а словом *вечерник* — не вечернее представление, а студента вечернего отделения?

А вот еще один пример нелогичности. Пошли ребята в лес за земляникой. Мать им кричит: «Идите сюда! Здесь хороший *ягодник*». Мальчик 5 лет отвечает: «А у меня хороший *грибник*!» Все засмеялись: «*Грибник* ты сам»,— говорят ему. Мальчик молчит, не понимает».

Оказывается, в языке не все так закономерно и логично, как было показано ранее, и наряду с логичными, чисто языковыми закономерностями и ограничениями в образовании слов властвует еще один хозяин — узус (лат. *usus*— «обычай»), обычай, власть привычки. Узус — тиран, он строг, капризен и нелогичен. Это — хозяин языка. «Так не говорят»,— слышим мы часто. Это и есть властный голос узуса. Он сидит в каждом человеке, опирается на заложенные в нас с детства привычки и командует. Посмотрим, как действует узус, всегда ли он справедлив и беспристрастен.

У нас есть слова *усыновить* и *удочерить*. А если ребенка хочет взять старый человек, годящийся в дедушки или бабушки, как ему сказать? Конечно, случай этот более редкий, но вполне возможный. Требуется специальное слово. Один из персонажей комедии В. Шкваркина «Простая девушка», старик Семен Семенович, говоря о своем желании взять грудного ребенка, употребляет слова *усыновить* и *удочерить*, и тут же поправляется: *увнучить*:

«[Семен Семенович]: Может быть, я ее усыновить, то есть удочерить, *увнучить* хочу».

Однако такого слова, хотя оно создано в соответствии с правилами образования слов, нет в языке, оно неупотребительно, «так не говорят».

В русском языке нет прямолинейности и строгой логичности в образовании слов. Мы говорим: *у-дешевить* (сделать дешевле), *у-лучшить* (сделать лучше), *у-простить* (сделать проще), *у-крупнить* (сделать крупнее), *у-меньшить* (сделать меньше), *у-быстрить* (сделать быстрее), но: *за-медлить* (сделать медленнее). А как сказать «сделать интереснее»? Соответствующего глагола у нас нет, хотя образование его было бы вполне закономерным. Дети, которые не вполне знакомы с узусом, и взрослые, которым

он мешает, стремятся сбросить его власть. Так рождаются законные, но непринятые слова. «Нельзя ли *умедлени́ть* шаг? Я отстаю»,— говорит девочка 8 лет на прогулке; «Если Вы поняли, что получается неинтересно, постарайтесь *уинтереснить*»; «Это распоряжение надо *укатегорични́ть*»,— говорят взрослые (из устной речи).

В русском языке много таких нелогичных ограничений и непоследовательностей, которые определяются не закономерностями словообразования, а традицией словоупотребления, привычкой, обычаем. Почему мы говорим: *голубизна, бел-изна, желт-изна*, но: *черн-ота, красн-ота, сер-ость, син-ева*. Так сложилось когда-то в языке и продолжает оставаться. Сказать «синизна» или «серизна», «краснева» или «желтева» нельзя. Правда, суффикс *-ость*, об активности которого говорилось (см. стр. 50—52), вмешивается и сюда, и слова *белость, желтость, черность* хотя и необычны, но возможны. Однако *белизна, желтизна, чернота* и другие держатся очень крепко.

Слова-беззаконники

Если говорящий нарушает сложившиеся в языке обычаи, традиции словоупотребления (узус) или закономерности словообразования, получаются слова-беззаконники. В каких случаях это происходит? Нарушителями законов языка бывают люди, не овладевшие еще языком, или люди с тонким чувством слова, прекрасно знающие язык. К числу первых относятся дети, люди, плохо знающие свой родной язык, и иностранцы, к числу вторых — лица, очень внимательные к языковой форме и стремящиеся как-то ее обновить, освежить, среди них, конечно, в первую очередь писатели. У этих нарушителей законов языка разные установки, разные цели: первые нарушают закон бессознательно, сами того не ведая, вторые сознательно, борясь с властью узуса, стремясь освежить язык. Однако характер их нарушений с точки зрения «правовой», «юридической», а именно того, какие законы и как нарушаются, бывает аналогичен. И те, и другие берут имеющиеся в языке «стройматериалы» сло́ва (морфемы), а не придумывают их из головы; индивидуальным, непринятым является только их соединение. А так как нас интересует именно познание з а к о н о в образования слов, а не целей слово-

творчества, то мы и будем рассматривать и детские, и поэтические слова-беззаконники вместе.

Мальчик 5-ти лет говорит: «Мама! Вот принц, а вот его *принцуха*». Слово необычное, мы говорим *принцесса*. Но мальчик этого не знал и по образцу *старик — старуха* создал свое слово, использовав бездеятельный, непродуктивный суффикс *-уха* (названий женщин с этим суффиксом в языке очень немного: *молодуха*, *щебетуха*, *резвуха*, *вековуха*, *стряпуха*).

Стремясь обновить слово, непродуктивные суффиксы часто используют поэты. Вот ряд образований с мало распространенным, лишенным активности в современном языке суффиксом существительных *-ево* (встречается в таких словах, как: *кружево* — ср. *кружить*; *курево*, *варево*, *жаркое*, *крошево*, *пе́чево*):

За мыслевом кружевом,
Кружевом — *тужевом*
Тын я воздвиг,
В мой сладостный, младостный
Радостный миг

(В. Хлебников. Чад).

В этих строчках слово *тужево* (от *тужить*) помещено рядом со своим образцом — *кружево*, благодаря чему и в слове *кружево* оживляется его связь с глаголом и его первоначальное значение.

Бродвей сдурел.
Бегня и *гу́ллево*
(ср. *гулять*)

(В. В. Маяковский. Барышня и Вульворт).

Приведу еще несколько слов, созданных при помощи ставших уже бездеятельными суффиксов по образцу имеющихся в языке слов.

С непродуктивным суффиксом *-ба*:

Цвети, земля, в молотьбе и в *сеятьбе*

(В. В. Маяковский. 150 000 000).

Образец, от которого произошло необычное слово *сеятьба*, дан тут же в стихе: *молотьба* (по этому типу от инфинитива с помощью суффикса *-ба* образовано всего несколько слов: *женитьба*, *колотьба́*, *пастьба*).

С непродуктивным суффиксом *-яр*: *числяр* (ср. *гусли* —

гусляр). В. Хлебников называет этим словом известного математика С. Ковалевскую: «... она сделалась... знаменитым *числяром*» (статья «О стихах») [26].

Другой частый случай нарушения законов образования слов — использование активных, деятельных суффиксов и приставок, но присоединение их к тем основам, с которыми им сочетаться не свойственно. Так, суффиксы прилагательных *-ов* (*отцов*) и *-ин* (*мамин*) обозначают принадлежность человеку и сочетаются только с основами существительных, называющих лиц (*-ов* — с основами существительных мужского рода с окончанием на согласный: *отцов*, *зятев*; *-ин* — с основами существительных женского и мужского рода с окончанием *-а* (*-я*): *мамин*, *тетин*, *папин*). Условия применения этих суффиксов очень ясные и отчетливые. Однако дети их нередко нарушают, образуя притяжательные прилагательные от существительных неодушевленных или названий животных.

«Мне *соков* вкус не понравился», «Дай мне *редискиного* салата» (из речи девочки 7 лет); «Это чей хвост — *волков* или *лисицын*?» (из речи мальчика 5 лет).

Нарушают эту закономерность и поэты. Особенно часто, стремясь очеловечить вещи, создавал притяжательные прилагательные от существительных неодушевленных В. В. Маяковский. Широко известны такие сочетания слов из его стихов, как «губы *вещины*», «стеганье *одеялово*», «не дослушал *скрипкиной* речи», «*чахоткины* плевки», «*рёбровы* дуги». В этом отношении очень характерно стихотворение «Военно-морская любовь», все построенное на очеловечении мира кораблей (с этой целью суффиксы одушевленных существ присоединяются к названиям предметов).

Другие деятельные морфемы также используются для построения индивидуальных, своеобразных слов.

Девочка 7 лет говорит, задумчиво глядя на муравейник: «А, может, и они на свою *насекоминую* луну спутник запустили?» Суффикс *-ин-* широко используется для образования прилагательных от названий живых существ: *голубь — голубиный*, *комар — комариный*, *пчела — пчелиный*, *лебедь — лебединый* и др. Однако от слова *насекомое* прилагательные не образуются.

А вот новый глагол с суффиксом *-ну-*: «Люся, иди спать! — Можно, я еще *рисовну* разочек!» (из речи девочки 6 лет).

[26] Велимир Хлебников. Собр. произведений, т. V, стр. 226.

Суффикс *-ну-* очень активен в образовании глаголов, обозначающих мгновенное, краткое действие (типа: *крикнуть*, *прыгнуть*, *бахнуть*, см. стр. 29—30), но с глаголами, имеющими в своем составе суффикс *-ова*, он не сочетается.

Активный суффикс существительных женского рода *-ница* (ср. *писатель-ница*, *учитель-ница* и др.) нередко используется для создания поэтических новообразований:

Я вот тоже любил одну, *сероглазницу*,
Слишком взрослую, может быть,
слишком строгую.
А уеду и вспомню такой проказницей,
Непутевой такой, такой недотрогою

(П. Коган. Письмо).

От сложных прилагательных (типа *сероглазый*) существительные с суффиксом *-ница* в русском языке не образуются. Здесь же в рифме к «беззаконному» слову дается законное слово с этим суффиксом: *проказница*.

Мальчик 5 лет рассказывает: «У меня уже эти пальчики умеют за струны держаться, а эти — *звучок* держать», заменяя непонятное *смычок* — *звучком*.

Бывают случаи, когда берутся деятельные, активные суффиксы и приставки, присоединяются к основам без явного нарушения законов словообразования, а слова́ в результате этого получаются необычные, непринятые:

Ребенок дует
в пару́с вымышленный,
создав подобье ветерка.
А настоящий —
он, как *вымечтанный*,
так недоступен он пока
(ср. *выдуманный*, *вымышленный*)

(Т. Чиладзе. О, у кораблика бумажного...);

Расфлаженные мотоциклы провыли
сиренами,
Дворники застыли, солидные,
как пингвины
(ср. *расцветить*, *разукрасить*)

(В. Рабской. Велогонка);

Пой песни весне,
Пой, да так, чтоб ложь
Люди видели только во сне,
Пой, да так, чтоб нытики
Уши от жути зажали бы,
Чтоб не хватило прыти им
Свои *высюсюкивать* жалобы
(по образцу: *выговаривать*)

(П. К о г а н. Весна разлилась по лужицам...);

«Была Лохвицкая. Она постарела, обабилась, *обельфамилась*» (В. Брюсов. Дневники, 1891—1910) (от французского выражения *belle femme* [бэль фам] — буквально «красивая женщина», употребляющегося в значении «красивая, но располневшая, расплывшаяся женщина». Образец дан тут же: *обабиться*);

И сеять, и осваивать *Зазвездье*,
Идти на подвиг и сродниться
с ним,
И мир обнять неслыханною
вестью
Великим жизнелюбием своим!
(по образцу: *Заволжье*, *Зауралье*)

(А. П р о к о ф ь е в. Приглашение к путешествию);

Воротясь обратно из *Зазвездья*,
и в слезах целуя землю-мать,
мы начнем последние известья
из глубин вселенной принимать

(Н. А с е е в. Что такое счастье? Соучастье...).

Подобные слова не нарушают, а как бы р а з д в и г а ю т границы действия морфем. Из активных морфем, используя действующие в языке способы образования слов, мы создаем свои слова, нужные нам, чтобы точно и ярко выразить свою мысль. Мы не изменяем существующие слова, а восполняем отсутствие нужных нам слов. Если представить себе язык в виде наборной кассы, где каждая ячейка — слово, то в этом случае говорящий заполняет пустые ячейки.

В русском языке легко и свободно образуются глаголы на *-еть* от прилагательных, обозначающих цвет: *синеть*,

краснеть, *белеть*, *розоветь*, *чернеть*, *голубеть*, *зеленеть* и т. п. А есть у нас глагол *русеть* (от *русый*)? Как будто бы нет. Между тем его образование вполне закономерно. И поэт заполняет пустую ячейку языка:

Чья там головка *русеет*?

(В. Хлебников).

Точно так же поступают и дети. Девочка 4 лет, вооружившись по примеру взрослых большой палкой, говорит: «Без *шарки* грибов не найдешь». Слово *шарка* образовано от глагола *шарить* по образцу широко распространенных существительных с суффиксом *-ка*: *варка* (от *варить*), *сушка* (от *сушить*) и т. д.

Девочка 8 лет рассказывает: «Победила я свою лень. Я ее обезглавила, *обесхвостила* и прогнала». Образец необычного слова *обесхвостила* дан тут же в предложении: *обезглавила*.

«Сидишь себе, рисуешь — *нарисовываешь*» (из речи девочки 7 лет). Глагол *нарисовывать* создан по образцу экспрессивных глаголов *названивать*, *наплясывать*, обозначающих увлеченность действием.

Иногда говорящие строят новые слова не бессознательно, а как бы играя, в шутку: «Сегодня мы *обелогрибились*»,— сказала мама.— «И *облисичкались*! И *осыроежкались*!»— закричали дети».

Строя новые слова из активных, деятельных морфем, по действующим в языке законам словообразования, говорящий не всегда заполняет пустые ячейки в кассе языка. Иногда новые «логичные» слова создаются взамен имеющихся; привычных. Явления подобного рода часто встречаются в детской речи. При этом, конечно, дети не ведут сознательной борьбы с узусом за логически ясный язык, они бессознательно строят свои слова из известных им «стройматериалов», инстинктивно используя усвоенные ими законы сочетания морфем. Заменяемых ими «взрослых» слов дети при этом просто не знают, они для них так же непривычны, как для нас детские слова.

Ребята обсуждают, какими их угостили яблоками — купленными или из своего сада: «Нет, это были *садские* яблоки»,— говорит мальчик 5 лет. Его слово вполне законно (с существительными такого типа, как *сад*, суффикс *-ск-* сочетается), но не соответствует обычаю, так как мы говорим *садовые*.

Детское *садский* даже логичнее взрослого *садовый*, ибо суффикс *-ск-* ярче передает значение принадлежности чему-либо, чем суффикс *-ов-*, очень распространенный в словах, обозначающих материал: *ситцевый*, *шелковый*, *сатиновый*, *березовый*, *сосновый*. Ср. такие слова с суффиксом *-ск-*, как *городской*, *деревенский*, *морской*, *институтский*. Почему мы говорим: *морские* водоросли, *деревенский* воздух, *городской* дом, но не можем сказать *садские* яблоки?

Еще несколько детских слов.

Девочке 8 лет говорят: «Завтракай скорее, а то не пойдешь с нами купаться.— Это что? *Угрожение*?» (ср. *угроза*); «Он что, *столярник*?» (слово *столяр* показалось ребенку недостаточно выразительным, и к нему был прибавлен распространенный суффикс лиц мужского пола *-ник*); «Он, как *надсмотренник* в тюрьме, вечно ходит за своей мамой» (ср. *надсмотрщик*).

Из речи девочки 4 лет: «*Прикнопкай* мне картинку, мамочка!». Девочка долго употребляла этот глагол. Ей казалось, что прибивают только гвоздями, булавками — прикалывают, а кнопками—...кнопкают... Глагол противоположного действия был *откнопкать* («Я не могу *откнопкать* бумажку»), потому что приставка *от-* очень четко выражает противоположность действия: *придвинуть — отодвинуть*, *приставить — отставить*, *приклеить — отклеить*. Поэтому неудивительно, что мальчик 5 лет говорил не *сними*, а «*отвесь* игрушку с елки».

Дети могут чувствовать различные словообразовательные возможности языка. Мальчик 3 лет, поступив в детский сад, спрашивал у родителей, как ему теперь себя называть: *детсадник* (*детсад — детсадник*, по образцу *школа — школьник*, *огород — огородник*) или *детсадовник* (прибавлял корень *дет-* к знакомому ему слову *садовник*). Несомненно, что первое слово более соответствует духу языка, так как слово *садовник* прочно связано со словом *сад* как местом, где растут цветы и фрукты.

Я познакомила вас с основными типами слов-беззаконников. Итак: 1) они могут быть построены из морфем, ставших уже бездеятельными в языке; 2) из морфем деятельных, но взятых в «незаконном» сочетании; 3) из морфем деятельных, взятых в сочетании, как бы раздвигающем принятые в языке законы соединения морфем.

Слова, подобные приведенным выше, обычно не получают широкого распространения и не входят в язык. Дети,

постигнув все тонкости узуса, перестают свободно строить новые слова, а индивидуальные слова писателей бывают хороши только на своем месте как средство художественной выразительности. Вне текста, в котором они родились, они кажутся непонятными и странными.

Слова-беззаконники, отражающие недостаточную речевую культуру взрослых, не представляют для нас интереса. Они относятся к тем же типам, что и рассмотренные нами, но лишены образности и выразительности, свойственной языку писателей и детей.

5. Жизнь морфем в языке

Язык, как и все явления в природе и обществе, находится в постоянном развитии. Не остаются неизменными и «стройматериалы» сло́ва, морфемы. Меняются их роль в составе слова, их звуковой облик. Одни суффиксы и приставки уходят из языка, другие появляются в нем.

Познакомимся с некоторыми из этих интереснейших процессов.

И морфемы умирают

Языковеды говорят: мертвый суффикс, мертвая приставка. Что это значит? Конечно, это образное выражение, метафора. Мертвыми называют суффиксы и приставки, которые перестали употребляться в языке для образования новых слов и не ощущаются говорящими как составные части слова. К мертвым, например, относятся суффиксы *-тух* в слове *петух* (тот, кто поет, ср. глагол *петь*), *-знь* в слове *жизнь* (ср. *жить*), *-р* в словах *пир* (ср. *пить*), *дар* (ср. *дать*).

Мертвые суффиксы и приставки сохраняются обычно всего в нескольких словах. Такова приставка *па-*, встречающаяся в словах *пасынок* и *падчерица*. Если у первого слова связь со словом *сын* еще в какой-то степени осознается, то у второго слова связь со словом *дочь* ослаблена в результате звуковых изменений, происшедших в этом слове. Однако сама по себе немногочисленность слов, в которых выступает та или иная морфема, не влечет за собой ее отмирание.

В чем же причины умирания морфем? Чаще всего они бывают связаны с изменением значения слова.

Изменение значения слова обычно приводит к забвению его состава. Объясняется это тем, что если первоначальное значение слова как бы складывалось из значений его частей, то его новое значение является целостным, не связанным со значением составляющих его частей. Оно не вытекает из значения простого слова, от которого когда-то было образовано слово производное. Так, когда произносят слово *петух*, никто не думает о пении, не связывает название этой птицы с глаголом *петь*. Петух — это просто домашняя птица определенной породы, а не птица, которая поет. Ведь соловей или жаворонок поет гораздо лучше. Коренным образом отличаются от слов типа *петух* такие слова, как *учитель*, *отправитель*, *носильщик*, *гравировальщик*, *прыгун*, *бегун* и т. п. Каждому ясно, что эти названия людей связаны с теми действиями, которые они совершают. В словах, подобных слову *петух*, т. е. со значением, не выводимым из значения составляющих его частей, сглаживаются, зарастают швы между морфемами. Слово, утратив составное, мотивированное значение, утрачивает и составное строение и из производного делается простым. Этот процесс называется *опро́щением* слова. В результате этого процесса состав простых слов постоянно пополняется за счет производных слов, утративших смысловую связь с простыми, от которых они были когда-то образованы. Вряд ли кто-нибудь из наших современников непосредственно, без специального анализа осознает связь между словами *стрелять* и *стрела*. В XX в. стреляют не стрелами, а из пушек, винтовок и других сложных орудий. Глагол *стрелять* перестал осознаваться как слово, производное от существительного *стрела*. Забыта связь между словами *чернила* и *черный*, *чернить*, так как чернилами называют не вещество, предназначенное для чернения, а жидкость для письма, которая может быть разных цветов. Поэтому без всякого затруднения мы говорим «синие, красные, зеленые, фиолетовые чернила». Суффикс *-ло* (во мн. ч. *-ла*) перестал выделяться из состава этого слова. Ср. слова, в которых этот суффикс имеет значение: *точить — точило*, *белить — белила*. Точно так же порвалась связь между словами *кружево* и *кружить*, *голубь* и *голубой*, *ходить* и

находить, *быть* и *забыть*, *красивый*, *красота* и *красный* (первоначальное значение слова *красный* — хороший, красивый, добрый — сохранилось в выражениях «красное солнышко», «красная девица», «красная цена»). Слова *кружево*, *голубь*, *находить*, *забыть*, *красный* утратили производность. Их значение не мотивировано значением слов простых, не складывается из суммы значений составляющих их частей. Приведенные выше слова *дар*, *пир* также не воспринимаются теперь как отглагольные существительные, не связываются с глаголами *дать*, *пить* (*дар* — то, что дано; *пир* — там, где пьют). В современном языке это простые слова, от которых образованы производные глаголы *пировать*, *дарить*.

Во всех опрощенных словах словообразовательные морфемы — суффиксы и приставки — поглощены корнем. Корень вырос, проглотив своих соседей. Однако не следует думать, что все суффиксы и приставки, встречающиеся в опрощенных словах, мертвые. Мертвыми мы называем только такие суффиксы и приставки, которые не выделяются из состава ни одного слова и значение которых в языке неясно. Таковы названные выше суффиксы *-р*, *-тух*. Суффикс *-ло*(*-ла*) мы не можем считать мертвым (он выделяется из состава ряда слов, например, *точило*, *белила*) так же, как и приставки *на-*, *за-*. Эти приставки перестали осознаваться в глаголах *находить*, *забыть*, но живы в сотнях других глаголов (*налететь*, *набежать*, *натолкнуть*; *запеть*, *закричать*, *зашуметь*; *запрыгнуть*, *залететь*, *занести*). При словообразовательном анализе подобные суффиксы и приставки не следует выделять из состава слов, подвергшихся опрощению, в которых эти морфемы утратили свою значимость.

Выше намеренно приводились в качестве примеров случаи наиболее ясные, когда связь между словом простым и словом, подвергшимся процессу опрощения, восстанавливается легко, так как разрыв отношений между ними определялся лишь разрывом смысловых связей и не усугублялся расхождением в звуковом составе этих слов.

В тех случаях, когда слова, разошедшиеся по значению, перестали быть близкими и в звуковом отношении, родственную связь между ними можно установить только с помощью специальных изысканий, называемых э т и м о л о г и ч е с к и м а н а л и з о м или этимологией (от греч. etymos—«истинный» и logos—«учение»). Вряд ли кто-

нибудь ощущает, что слова *конец* и *начало*, *облако* и *обволочить*, *нутро* и *утроба*, *супруг*, *упряжь* и *запрягать* родственники. А этимологический анализ позволяет восстановить отношения, существовавшие между подобными словами, объяснить причины, которые привели к изменению значения производного слова, установить пути, по которым шло изменение его звукового облика.

Как растут суффиксы!

Мы видели, что при опрощении слова (превращении производного слова в простое) корни поглощают суффиксы и приставки, благодаря чему в языке увеличивается число простых слов. Одновременно с этим в языке создаются новые суффиксы и приставки. Один из путей образования новых суффиксов — рост суффикса за счет основы слова. Суффиксы «отгрызают» конечную часть основы слова, к которому они «прилепляются». Чаще всего это бывает суффикс другой части речи, повторяющийся во многих словах, к которым присоединяется суффикс-«грызун». Из объединения двух суффиксов и получается новый.

Разберем, как это происходит. Есть в языке глагольный суффикс *-а-*. Он уже не употребляется в современном языке для производства новых глаголов от имен существительных, хотя и выделяется в составе ряда слов: *завтрак — завтракать*, *ужин — ужинать*, *работа — работать*, *обед— обедать*. Среди существительных, участвующих в образовании подобных глаголов, много слов с суффиксом *-ник*: *проказник — проказнич-а-ть*, *школьник — школьнич-а-ть*, *безобразник — безобразнич-а-ть*, *беспризорник — беспризорнич-а-ть*, *плотник — плотнич-а-ть*, *сапожник — сапожнич-а-ть*. Постепенно сочетание *-нича-* (возникшее из *-ник-* + *-а-*), повторяющееся постоянно в подобных глаголах, начало осознаваться как глагольный суффикс и употребляться для производства глаголов от существительных, не имеющих в своем составе морфемы *-ник*: *либераль-нича-ть*, *столяр-нича-ть*, *слесар-нича-ть*, *кустарнича-ть*, *лентяй-нича-ть*, *лодыр-нича-ть*, *лизоблюд-нича-ть*, *лоботряс-нича-ть*. Так родился новый и очень деятельный суффикс *-нича-*, более выразительный в звуковом отношении, чем его коротенький отец *-а-*. Этот суффикс употребляется иногда в просторечии для образования экспрессивных глаголов, наряду с которыми имеются

литературные слова с тем же значением, но с другими суффиксами: *халтурничать* (ср. литературное *халтурить*), *хулиганничать* (ср. литературное *хулиганить*).

Путь образования суффикса имен прилагательных *-тельн-* был примерно таким же. Маленький суффикс *-н-* (правда, и сам очень активный, не похожий в этом отношении на глагольный суффикс *-а-*) отвлек от существительных, к которым он присоединялся, суффикс действующего лица *-тель*. Произошло это так. Имена прилагательные типа *соблазнительный*, *мучительный* первоначально образовывались от наименований лиц с суффиксом *-тель*: *соблазнитель-н-ый* (тот, кто соблазняет, соблазняющий), *мучитель-н-ый* (тот, кто мучает, мучающий). Таких прилагательных было очень много. По значению они были связаны и с существительными на *-тель*, и с соответствующими глаголами. В результате этого элемент *-тельн-* стал восприниматься как суффикс, производящий прилагательные непосредственно от глаголов. В современном языке прилагательных с суффиксом *-тельн-*, при которых существительные с суффиксом *-тель* отсутствуют, очень много: *оборонительный*, *зажигательный*, *прикрепительный*, *повторительный*, *предусмотрительный*, *развлекательный*, *увеселительный*.

Суффикс имен прилагательных *-овск-* тоже возник из слияния двух суффиксов. Разница лишь в том, что оба эти суффикса принадлежат одной части речи, имени прилагательному: это суффикс притяжательных прилагательных *-ов* (ср. *отцов* дом, *царев* приказ) и суффикс *-ск-*, употребительный в таких прилагательных, как: *капитан-ск-ий*, *секретар-ск-ий*, *лейтенант-ск-ий*, *повар-ск-ой*, *солдат-ск-ий*, *пушкин-ск-ий*, *ломоносов-ск-ий* и т. п. Возникший из слияния этих двух суффиксов, суффикс *-овск-* встречается в таких словах, как: *шут-овск-ой*, *отц-овск-ий*, *поп-овск-ий*, *шекспир-овск-ий*, *мольер-овск-ий*, *байрон-овск-ий*, *наполеон-овск-ий*.

Производных суффиксов, подобных рассмотренным выше, в русском языке очень много.

Роль производных суффиксов различна. Нередко новый производный суффикс бывает активнее, деятельнее старого. Он как бы приходит на смену умирающему суффиксу (мы видели это при разборе истории глагольных суффиксов *-нича-* и *-а-*). В других случаях производный суффикс приобретает новое значение и новую сферу дей-

ствия по сравнению с простым (таков суффикс *-тельн-*, взявший на себя образование от глаголов прилагательных со значением «совершающий какое-либо действие», «подвергающийся какому-либо действию», «связанный с каким-либо действием»). Наконец, есть случаи, когда производный суффикс, имея то же значение, что и простой, оказывается более удобным или более выразительным в звуковом отношении и используется для производства слов от основ определенного рода. Например, суффикс прилагательных *-ск-*, в целом очень деятельный и активный, не используется для производства прилагательных от новых сложносокращенных названий (слова типа *комсомольский*, *бригадмильский* единичны). Мы не говорим «вузский», «мхатский», «оонский», «эмгээсский» и т. п. На помощь приходит суффикс *-овск-*. Он принимает на себя часть функций суффикса, от которого произошел. С его помощью свободно образуем слова: *эмтээсовский*, *вузовский*, *мопровский*, *месткомовский*, *нарпитовский*, *мхатовский*, *детдомовский*, *исполкомовский*, *ооновский*, *оаровский* и т. п.

Бывают ли захватчиками приставки?

До сих пор говорилось преимущественно об изменениях, которые происходят с суффиксами: в одних случаях их поглощает корень, в других — они вырастают, присоединив к себе часть основы. А приставки как себя ведут? Бывают ли они захватчиками?

В целом приставки менее агрессивны, чем суффиксы. Им несвойственно расти за счет основы слова. Однако есть случаи, когда приставка, присоединяясь к слову, уже имеющему в своем составе приставку, объединяется с ней. В результате объединения двух приставок создаются новые сложные приставки. Таких приставок в русском языке немного: это приставки глаголов *обез-* (из объединения приставок *о-* и *без-*) и прилагательных *распре-* (из объединения приставок *раз-* и *пре-*).

Значение этих сложных приставок складывается из значения составляющих их частей, но может включать в себя нечто новое, дополнительное, отличающее их от простой суммы двух приставок.

С помощью приставки *обез-* образуются от имен существительных глаголы со значением «лишить или лишиться предмета, который назван исходным существительным»:

«В *обезматочившем* улье уже нет жизни, но на поверхностный взгляд он кажется таким же живым, как и другие» (Л. Н. Толстой. Война и мир);

...И струится мутной пеной
Обессиленный порыв...

(Ф. И. Тютчев. Море и утес);

«Ветер иногда падал совсем, и *обезветренные* паруса тоже падали» (И. А. Гончаров. Фрегат «Паллада»); «Верно, он пошел каких-нибудь *обезродевших* ребятишек... молочком приветить» (Н. С. Лесков. Несмертельный Голован).

Эта приставка очень деятельная в современном языке: *обезжирить* (лишить жира), *обессолить* (лишить соли), *обезводить* (местность), *обезлесить* (область), *обесточить* (лишить тока).

А что дает прибавление усилительной приставки *раз-* (*разлюбезный*, *разудалый* и т. п.) к прилагательным с приставкой *пре-* (типа: *премилый*, *прелюбезный*, *препротивный*), которая также обозначает усиление? Полученная в результате объединения этих двух приставок сложная приставка *распре-* очень выразительна и используется для особого подчеркивания качества, называемого прилагательным:

«Старик С. А. Всеволжский, человек *распремилый*» (С. П. Жихарев. Записки современника); «Флена Ивановна... говорила, что она ей родная по душеньке, *распрелюбезная* сестрица» (С. Т. Аксаков. Семейная хроника); «Знай я их, эти *распрепроклятые* языки,— проговаривался он за пуншем...— из меня бы вышла не та фигура!» (И. А. Гончаров. Воспоминания); «Инстинкт, будь он *распрегениальный*, недостоин человека» (И. С. Тургенев. Дым); «...и уважать не будут, хоть ты *распредобродетельная* будь и веди себя, как следует» (А. Н. Майков. Старушка); «Что, отец Михаил, скучно, чай, в лесу-то жить?— спросил Потап Максимыч у игумна.— *Распрелюбезное* дело, касатик ты мой,— отвечал он» (П. И. Мельников ⟨Печерский⟩. В лесах); «Кушайте, гости, покушайте! ...Что перестали? — *Распредовольны*, сударыня, Аграфена Петровна» (П. И. Мельников ⟨Печерский⟩. На горах); «Чтобы знал вольный свет, какова есть жизнь *распрелютая*» (М. Е. Салтыков-Щедрин. Развеселое житье); «Странный народ! Вечное повторение той *распреумной* собаки, что разинула рот, чтоб схватить то, чего нет, и выронила то, что есть»

(В. В. Стасов. Оплеватели Верещагина);«Эх, вы, *распрекаракovые*!...— ухнул ямщик» (П. Д. Боборыкин. На ущербе).

В русском языке имеются еще две сложные приставки: *небез-* и *недо-*. Они составлены не из двух приставок, а из объединения отрицательной частицы *не* и приставок *без-* и *до-*. Приставка *недо-* служит для образования глаголов: *недосмотреть*, *недоглядеть*, *недоедать*, *недосолить*, *недозарить*, *недожарить*. Она встречается также в существительных и прилагательных, образованных от глаголов: *недосол*, *недобор*, *недокорм*, *недоедание*, *недосыпание*; *недовареный*, *недожареный* и т. п. Слова с приставкой *недо-* отличаются по значению от слов с приставкой *-до* и отрицанием *не*. Ср. следующие предложения:

I. Мать *недосмотрела* за мальчиком, и он залез в лужу.

II. Я *не досмотрела* этот фильм, спешила на поезд.

I. Он потому такой болезненный, что постоянно *недоедал* в детстве.

II. Дети не должны вставать из-за стола, пока *не доедят* всего.

I. Картошку *недоварили*, она совсем твердая.

II. Маша *не доварила* обед и убежала в кино.

Есть ли разница между глаголами *недосмотреть* и *не досмотреть*, *недоедать* и *не доедать*, *недоварить* и *не доварить*? Конечно, есть.

Глаголы в предложениях под цифрой I имеют что-то общее: они обозначают неполноту, недостаточность действия, отсутствие нужной меры, нормы, например: *недоедать* (плохо питаться, голодать); *недосмотреть* (не заметить чего-нибудь, проглядеть), *недоварить* (сварить не до полной готовности). У глаголов в предложениях под цифрой II совсем другое значение: незаконченности действия, действие было начато и брошено, не доведено до конца. Поэтому и пишутся эти глаголы различно. Доказательством того, что приставка *недо-* действует как целостная, самостоятельная особая приставка в русском языке, служат глаголы с этой приставкой, при которых нет соответствующих глаголов с приставкой *до-* без отрицания *не*: *недооценить*, *недопонять*, *недослышать*, *недоучесть*, *недолюбливать*. Если мы отнимем от этих глаголов *не-*, то мы не получим слов, употребительных в русском языке.

Сложная приставка *небез-* используется для образования имен прилагательных. Слова с приставкой *небез-* обозначают неполноту, слабую степень качества: *небесполез-*

ный (полезный в какой-то степени), *небезосновательный* (имеющий некоторые основания), *небезгрешный* (грешный в какой-то степени).

«Деятельность ваша достигла хотя маленького результата — следовательно, *небесплодна*» (И. С. Тургенев. Письма А. П. Философовой, 22 февраля 1875 г.); «Иные монархи... могли находить *небесполезной* дружбу с передовыми французскими философами» (Г. В. Плеханов. История русской общественной мысли); «На вторниках в Литер. Худож. Кружке познакомился с Койранскими братьями, поклонниками «нового». Младший, художник, очень молод и *небезынтересен*» (В. Я. Брюсов. Дневники, 1891—1910).

Подобно словам с приставкой *недо-* эти прилагательные отличаются по значению от слов с приставкой *без-* и отрицанием *не*. Слова с приставкой *без-* и отрицанием *не* обозначают полное отсутствие признака: «этот напиток *не безвредный*» (т. е. вредный; частица *не* отрицает безвредность полностью). Ср. следующий пример: «сельтерская вода в большом количестве *небезвредна* для организма» (т. е. вредна в какой-то степени) (Н. А. Тучкова-Огарева. Воспоминания).

Существуют и другие способы пополнения русского языка «стройматериалами». Целые слова, выветриваясь, утрачивая свое первоначальное значение, превращаются в суффиксы и приставки. Такого происхождения русские приставки *низ-*, *сверх-*, *около-*, *под-*.

Суффиксы и приставки чужестранцы

До сих пор обращалось внимание, как образуются новые суффиксы и приставки из внутренних ресурсов языка.

Есть и еще один источник их появления: иностранные языки. Всем известно, что из одного языка в другой переходят слова, а вместе с ними путешествуют, конечно, и их составные части—суффиксы и приставки. Однако если в русский язык попадет иноязычное слово, в которое входит суффикс или приставка, то можем ли мы считать, что в нашем языке появились новые суффиксы и приставки? Конечно, нет. Эти морфемы-чужестранцы только тогда станут суффиксами и приставками русского языка, когда они приобретут в нашем языке самостоятельность и активность,

смогут сочетаться с русскими основами и начнут употребляться для создания русских слов. Такие случаи не так уж редки.

Морфемы-чужестранцы акклиматизируются в разной степени на новой почве. Одни выделяются из состава слова, их значение осознается говорящими, но они не используются для образования слов этого языка. Такие морфемы мы называли живыми, но непродуктивными. В словах *оппонент* (ср. *оппонировать*), *рецензент* (ср. *рецензия, рецензировать*), *референт* (ср. *реферировать*) выделяется элемент *-ент*, объединяющий все эти слова как наименования лиц мужского пола. Однако для образования новых русских слов элемент *-ент* не применяется. Он бездеятелен в русском языке. А некоторые пришлые морфемы настолько привыкают к неродному для них языку, что приобретают в нем активность, начинают употребляться для построения новых слов этого языка. Таковы, например, суффиксы *-изм*, *-ист*, *-фикация*, *-изация*. Проследим историю одного из них.

Суффикс *-ист* долгое время в русском языке употреблялся только в составе заимствованных слов: *идеалист, материалист, натуралист, оптимист, пессимист* и т. п. По-видимому, лишь в первой половине XIX в. он приобрел способность сочетаться с русскими основами и, следовательно, стал суффиксом русского языка. Первым русским словом, которое было образовано с этим суффиксом, явилось, как считают языковеды, слово *гуслист*. Постепенно этот суффикс набирался сил, креп. И вот вам уже целый список чисто русских слов с этим суффиксом: *служба — службист, значок — значкист, связь — связист, очерк — очеркист, Пушкин — пушкинист, гитара — гитарист, двигатель — двигателист, чека — чекист, декабрь — декабрист, октябрь — октябрист*.

Суффикс этот настолько прижился в нашем языке, что стал вытеснять даже чисто русские суффиксы. Как, по-вашему, называется продавец в ручном отделе аптеки? *Ручник* или *ручнист*. И последнее слово встречается не реже первого.

Образуют слова от русских основ суффиксы отвлеченных существительных *-изация* и *-фикация*: *яровизация, озимизация, военизация, советизация, большевизация, украинизация, славянизация*; *теплофикация, звукофикация, газофикация, русификация*.

Приставки-иностранки *анти-*, *архи-*, *ультра-* также приобрели активность в нашем языке и стали, как и русские приставки, производить новые слова.

Приставка *анти-* (от греч. anti—«против») очень быстро вошла в русский язык. Она попала в наш язык, по-видимому, более 200 лет назад в составе слов, заимствованных из французского языка, и уже в начале XIX в. стала использоваться для производства слов от русских основ. Например, в 1823 г. (1 декабря) Пушкин писал в письме к А. И. Тургеневу: «...но что делает поэтическая, незабвенная, конституциональная, *антипольская*, небесная княгиня Голицына?» В «Старой записной книжке» П. А. Вяземского находим: «Мы свою дипломатию вверили совершенно *антирусским* началам». У Д. И. Писарева: «Приведя это суровое *антибалетное* восклицание разочарованного Онегина, Пушкин сам почувствовал, что он ставит своего героя в довольно смешное положение».

Не думайте, что эта приставка входила только в шутливые, «несерьезные» слова вроде приведенных выше. С ее помощью образовалось много слов «серьезных», общественно-политического содержания. Эта приставка оказалась настолько удобной, что она даже стала вытеснять русскую приставку *противо-*, которая имела то же значение, что и *анти-*. Еще в середине и даже конце XIX в. русские люди говорили и писали: «противоправительственное движение», «противомонархический союз», «противорелигиозный бунт», «противонародное направление», «противовоенная пропаганда».

Вот некоторые примеры:

«...принялся обвинять Куторгу в *противонациональном* направлении его лекций» (А. В. Никитенко. Дневник, 1840 г.); «...способен быть убийцею, грабителем, одним словом — *противообщественным* человеком» (И. И. Горбачевский. Записки декабриста); «Только необычайная слепота и крайнее фанатическое изуверство может приурочить целую народную массу к такому [аскетизму] *противообщественному* стремлению» (М. Е. Салтыков-Щедрин. Сказание о странствии инока Парфения); «...*противуправительственное* движение росло» (В. Г. Короленко. История моего современника); «...присылались прокламации *противоправительственного* содержания» (В. Вересаев. На японской войне); «...*противуправительственные* речи» (А. М. Горький. Егор Булычев и другие).

Все слова с приставкой *противо-* (и *противу-*) вполне понятны нам, но сами мы вряд ли так скажем. Мы говорим: «антиправительственный», «антиобщественный», «антинациональный», «антимонархический», «антирелигиозный», «антинародный», «антивоенный», хотя, если нам нужно употребить сочетание с предлогом, мы берем предлог *против*. Так, коалиция *против Лумумбы* была названа у нас *антилумумбовской*.

Приставка *противо-* сохранилась в языке, но сфера ее действия сузилась. Она употребляется только в словах, обозначающих конкретное средство для борьбы с чем-нибудь: *противотуберкулезный*, *противогриппозный*, *противодымный*, *противопожарный*, *противопылевой*, *противовобвальный*, *противоползневой* и др. А из сферы дипломатической, официально-деловой иностранка *анти-* вытеснила нашу русскую приставку *противо-*.

Всяк сверчок знай свой шесток

Мы видели, что состав словообразовательных морфем в языке меняется. Одни умирают, другие рождаются, третьи приходят в литературный язык извне. Все это не может не влиять на возможности их употребления и на восприятие их говорящими. Разные морфемы используются в разных областях нашего обширного языка и, как говорят языковеды, имеют разную стилистическую окраску. Стилистическая окраска суффиксов и приставок передается тем словам, в построении которых они участвуют, ведь самостоятельно они в языке не употребляются.

Вот прилагательные с усилительной приставкой *раз-*: *распрекрасный*, *развеселый*, *разлихой*, *раззадорный*, *разудалый*, *расподлый*, *распроклятый*, *разлюбезный*, *разнесчастный*, *распрелестный*, *распропащий*, *распечальный*. Ясно чувствуется, что слова с этой приставкой не войдут ни в серьезную газетную статью, ни в научный доклад, ни в деловое заявление. Этим словам свойственны особая выразительность и оттенок разговорной фамильярности:

«У некоего купца была дочка... Такая *распрекрасная* красота, что все купчики стадами бегали» (Н. Успенский. Змей); «...соте́, *расподлая* твоя душа!»— она [собака] сейчас хвост поджала, марш под амбар» (В. А. Слепцов. Трудное время); «Келлер... почти обиделся, смотря на такой *развеселый* смех князя» (Ф. М. Достоевский. Идиот);

«И росла у нее Фленушка. *Разлихая* девчонка росла» (П. И. Мельников ‹Печерский›. В лесах); «Показалась в стороне деревушечка, я и повернул в проселок. Только она, *распроклятая*, точно дразнит меня» (М. Е. Салтыков-Щедрин. Невинные рассказы. Развеселое житье); «Да и в самом деле, ведь не мог же этот упрямец не видать впереди, чем это кончится,— и не мог же он с *развеселою* душою ожидать этого комичного и отчаянного исхода» (Н. С. Лесков. Железная воля); «В торговом быту самое *разлюбезное* развлечение эта стуколка» (А. И. Эртель. Гарденины); «*Распроклятая* ты жизнь — судьба тяжелая» (А. М. Горький. Жизнь ненужного человека); «[Бобова]: Продаю, покупаю, *распрекрасную* невесту сосватать могу» (А. М. Горький. Фальшивая монета); «Письмо оказалось самым что ни на есть *распечальным*» (А. Гайдар. Чук и Гек).

В соответствии со своей стилистической окраской прилагательные с приставками *раз-* и *распре-* часто употребляются в письмах, записках, мемуарах:

«На-днях провожали мы в С.-Петербург П. С. Молчанова. Вот *распремилый*-то человек!» (С. П. Жихарев. Записки современника); «...мы с Петром Ивановичем не занимаем и половины дома, следовательно, все остальные комнаты к услугам любезного доктора и *распремилой* его подруги» (там же); «Будь повесть хоть *расхудожественна*, да если в ней нет дела-то, братец, дела-то...» (В. Г. Белинский. Письмо к В. П. Боткину, 1847 г., между 2 и 6 декабря); «Погода сегодня, как и вчера, *расчудеснейшая*, весенняя» (А. П. Чехов. Письмо к О. Л. Книппер, 16 января 1902 г.); «Получай крепкий, *разгорячий* поцелуй» (О. Л. Книппер. Письмо к А. П. Чехову, 1 января 1901 г.).

В этих прилагательных, кроме того, чувствуется народная поэтичность, фольклорность:

Дочь отецкая *распрекрасная*,
Я любил тебя, моя милая

(В. Г. Бенедиктов. Песня);

«Цветы цветут *распрекрасные*, махровые, пахучие, всякими красками расписанные» (С. Т. Аксаков. Аленький цветочек); «Вот она,— думаю,— наша мать Федорушка, *распредобрая*, *распретолстая*, что во все края протянулася и всем ласково улыбнулася» (Н. С. Лесков. Шерамур).

Стилистическая окраска приставки *раз-* объясняется ее происхождением. Эта приставка пришла в литературный

язык из народных говоров, фольклорных произведений, поэтому и не подходит она к научной и деловой речи.

Ту же окраску придает эта приставка и существительным (*красавица — раскрасавица, умница — разумница*). Интересные существительные с этой приставкой создавал Ф. М. Достоевский:

«Хоть будь ты *раз-Брюллов*» («Записки из Мертвого дома»); «Вообще я сделал замечание, что будь *разгений*, но в публичном легком литературном чтении нельзя занимать собою публику более двадцати минут безнаказанно» («Бесы»); «помещиком и *раскапиталистом*, членом компаний и обществ» («Идиот») [27].

Из народных говоров пришли в литературный язык усилительные суффиксы прилагательных *-ущий* (*-ющий*), *-ищий*, *-енный*. Они сохранили окраску просторечности, непринужденной грубоватости:

-ущий (*-ющий*): «Лошадь попалась *злющая*, чуть не изломала меня» (И. А. Гончаров. Обломов); «А он не отвечает. *Большущее* что-то пишет и все помазикает кистями и отскочит: высматривает» (Н. С. Лесков. Шерамур); «Катя стала у нас *моднющая*» (из устной речи);

Возьми
разбольшущий
дом в Нью-Йорке,
взгляни
насквозь
на зданье на то

(В. В. Маяковский. Небоскреб в разрезе);

«Крепко обнимаю тебя, моя дорогая, и желаю здоровья. Всем *большущий* привет от меня, от Нади, и Е. В.» (В. И. Ленин. Письма к родным. Л., 1934, стр. 285); «Давайте я повешу, Асенька, у меня *длиннущие* руки» (Ю. Бондарев. Тишина);

-ищий: «Этот брюхастый... называется Бакшей Отучев, а *худищий*, что одни кости ходят, Чепкун Емгурчеев» (Н. С. Лесков. Очарованный странник); «Она *смелищая*, а он ужасно какой смирной» (Н. С. Лесков. Дама и фефела); «Прежде, бывалоче, какой у них скус был: чтобы лошадь была огромадная, *косматишшая*, сырая» (А. И. Эртель. Гарденины); «А ты приметил, Миколай, бабы-то у них

[27] Примеры взяты из кн.: В. В. Виноградов. Русский язык, стр. 254.

в доме? Морда на морде! И куфарки под такую же масть подобраны. Страшная *ревнивишшая*!» (А. И. Эртель. Гарденины);

-енный: «Вот как я глядь, ан сидит мужичина *престрашенный*, а глаза-то красные» (Житье-бытье на Корёге. Записки А. С. Гульпинской); «Избил, избил!— подхватил с ужаснейшим жаром Лебедев,— и собакой в Москве травил, по всей улице, борзою сукой. *Ужастенная* сука» (Ф. М. Достоевский. Идиот); «Наладили новую печь, Сименсом зовут, труба *высоченная*, ну, так эта печь сырые дрова-то жрет!» (Д. Н. Мамин-Сибиряк. На шихане); «Шукавский мужик жеребца привел....косматишшый, *гладчéнный*!» (от *гладкий*) (А. И. Эртель. Гарденины);

Нам, *здоровенным*,
с шагом саженьим...

(В. В. Маяковский. Облако в штанах);

«...неподалеку появился *страшенный* козел» (А. Гайдар. Чук и Гек).

В отличие от приставки *раз-* этим суффиксам чужд оттенок народной поэтичности.

Чужеязычной приставке *ультра-* (ср. лат. *ultra* «через», «за», «по ту сторону») свойственно употребление в сфере общественно-политической (*ультрарадикал*, *ультраколониалист*, *ультрамонархист*) и научной (*ультракоротковолновый*, *ультрафиолетовый*, *ультрасахаристый*, *ультрачастый*, *ультралегкий*, *ультракрасный*, *ультразвук*). В тех же случаях, когда эта приставка входит в состав слов обычных, нетерминологических, она придает им оттенок шутливости, иронической неодобрительности: *ультрамодный* пиджак, *ультрановейшие* взгляды, *ультрасерьезный* человек. Говорящий как бы осознает, что этой приставке не место в таких словах.

Происхождение морфемы не кладет на нее отпечаток навсегда. Оно может забываться, и тогда морфема утрачивает ограниченность применения и становится полноправным членом всего нашего обширного языка.

Не следует, однако, думать, что стилистическая окраска морфемы обязательно бывает связана с ее происхождением. Суффиксы притяжательных прилагательных *-ов* (*отцов* дом, *Петрова* шапка), *-ин* (*мамин*, *папин*, *Катин*, *Петин*) чисто русские, издавна свойственные литературному языку. Однако в современном языке они, несомненно, свободно

действуют только в разговорной бытовой речи[28]. Никто не скажет в докладе и тем более не напишет в газетной статье или научном труде: «остроумие Вольтерово», «Мольеровы комедии», «Екатеринино царствование», «Гетев Фауст», «в Москве идет Шекспиров «Гамлет» или что-нибудь подобное. А во времена Пушкина и Гоголя русские люди свободно писали и говорили:

«Таковский недавно чрезвычайно хвалил мне в клобе перевод Графова *Буаловой* сатиры» (И. И. Дмитриев. Письмо к А. И. Тургеневу, 9 января 1821 г.); «Правда, я не помню, чтоб кто-нибудь прямо отрицал право раскаяния,— но это отрицание истекает непосредственно из многих теорий, напр., хоть из *Бентамовой*, *Мальтусовой*» (В. Ф. Одоевский. Русские ночи. Ночь седьмая); «...я лучше решился сидеть за *Ричардсоновой* «Кларисою» (Н. В. Гоголь. Письмо к Погодину, 8 июля 1832 г.); «...когда я приехал в Прямухино и когда при помощи другого влияния ты открыл мне новый мир — мир мысли, я был изумлен, подобно *Мольерову* «Мещанину во дворянстве» (В. Г. Белинский. Письмо М. А. Бакунину, 1837, ноября 21 дня); «В последние два месяца жизнь его походила на бессмертный финал *Моцартова* Дон-Жуана» (Бальзак. Похождения парижского денди); «Речь *Ламартинова* понравилась мне гораздо больше» (М. Погодин. Месяц в Париже); «Я был в Веймаре и пошел в театр. Давали какой-то политический фарс *Гётева* сочинения» (А. И. Герцен. Записки одного молодого человека. Гл. «Патриархальные нравы города Малинова»); «И эта-то блаженствующая мысль царствует на всех лицах *Рафаэловой* картины (кроме, разумеется, лица *Спасителева* и Мадонны), все в размышлении — и Святые, и Ангелы» (В. А. Жуковский. *Рафаэлева* Мадонна).

Притяжательные прилагательные в то время свободно употреблялись во всех областях русского языка. Они встречаются в сочинениях исторических, философских, литературоведческих и др. Н. М. Карамзин пишет в предисловии

[28] Тот факт, что слова, являющиеся по происхождению притяжательными прилагательными, встречаются в составе научных терминов, называющих явления по имени их изобретателей, открывателя (Джоулево тепло, Непперовы таблицы логарифмов, Ньютоновы уравнения движения, Вейссово поле, Декартовы координаты, Ланжевенова функция, Берингов пролив, Баренцово море, Галеновы препараты и т. п.), не колеблет этого утверждения. Ведь за пределами таких устойчивых, как бы окаменевших названий притяжательные прилагательные в научной речи не употребляются и свободно не образуются.

к своей «Истории Государства Российского»: «Знание всех прав на свете, ученость немецкая, остроумие *Вольтерово*, ни самое глубокомыслие *Макиавелево* в историке не заменяют таланта изображать действия».

Вот еще несколько примеров употребления притяжательных прилагательных в ученых трудах:

«На такой высоте звук *Листова* фортепьяно много выигрывает в ясности, чистоте и точности»[29]; «Олегу, кажется— бездетному, наследовал сын *Рюриков* Игорь» (М. Погодин. Норманский период русской истории, гл. «Великий князь Олег»); «Пустота, к которой Юм привел, должна была сильно потрясти людское сознание, а выйти из нее нельзя было ни методой тогдашнего идеализма, ни робким *Локковым* материализмом»(А.И. Герцен. Письма об изучении природы).

В современном языке притяжательным прилагательным свойственна стилистическая окраска разговорности, которая не позволяет проникнуть им в другие сферы речи. Эти прилагательные заменил родительный падеж имени существительного. Мы говорим: «остроумие Вольтера» (а не *Вольтерово*), «сын Рюрика» (а не *Рюриков*), «материализм Локка» (а не *Локков*) и т. д.

Однако далеко не все суффиксы и приставки в русском языке стилистически окрашены (таких как раз немного). Основная часть словообразовательных морфем действует во всех сферах речи.

Близнецы

Бывают, оказывается, суффиксы-близнецы и приставки-близнецы. Как будто бы один суффикс, а на самом деле их несколько. Под одной звуковой оболочкой прячутся, похожие друг на друга, как близнецы, разные суффиксы, суффиксы-братья. Возьмем для примера существительные с суффиксом *-ина*:

I.	II.	III.
горошина	баранина	домина[30]
соломина	свинина	ветри́на (ветер)
картофелина	лососина	купчина
изюмина	осетрина	газетина
жемчужина		поезди́на
		волчина

[29] «Отечественные записки», 1839, т. VII, стр. 72.

[30] Например: «Эх, явно не по средствам сосед наш, Спиридоныч, живет! Вон ведь какую *домину* отгрохал» (Б. Егоров. Маски. «Литературная газета», 8 июля 1961 г.).

Можно ли сказать, что в этих группах слов один и тот же суффикс? Нет, конечно! Каждую группу слов объединяет что-то общее, а между собой группы различны.

В словах первой группы суффикс *-ина* имеет значение единичности. Слово с суффиксом *-ина* обозначает один предмет из ряда одинаковых, которые называет собирательно слово без суффикса (ряд горошин составляет кучу гороха, ряд соломин — кучу соломы и т. д.). Суффикс *-ина* с этим значением очень активен и выразителен. Он может присоединяться даже к таким словам, которые называют «предметы», неделимые на отдельные частички:

Малины в кустах — бельевые корзины,
На каждой малинине — капля-*дождина*
(Горбовский. Рубины малины в кустах у дороги...);

«...взапуски щелкали несчетными шлепками по земле увесистые *дождины*...» (К. Федин. Необыкновенное лето).

Этот суффикс может выступать с добавлением суффикса уменьшительности *-ка*:

Лишь на заре на утренней
Мне удалось стрясти
С волос налет напудренный
В *звездинках* конфетти
(М. Зенкевич. Парикмахерская баллада);

Что мне бирюзовая вода,
Если *бирюзовинку* во взоре
Не увижу больше никогда?
(И. Сельвинский. Уронила девушка перчатку);

«...глаза с *раскосинкой* наивной...
(Р. Казакова. Поэзия — мужичье дело);

Липинки выглядывали стихшие —
Маленькие школьницы дубрав
(Д. Сухарев. Вечер брел тропинками ветвистыми...);

Стройная, живая
с весеннею *хитринкою* в глазах
(В. Гончаров. Колхозница);

«Мы хорошо знаем, какой могучей и доброй силой является печатное слово. Но мы забываем, в какое зло может превратиться современный печатный станок, если он начнет

размножать миллионными тиражами даже самую маленькую *лжинку*» («Литературная газета», 25 марта 1961 г.); «Как и в гражданской лирике, в этих стихах чувствуется неизменная и обязательная *горчинка*, иногда приобретающая трагическое звучание...» (А. Сурков. Поэзия человечности. Предисловие к книге С. Квазимодо «Моя страна — Италия»).

Во второй группе слов суффикс *-ина* образует от названий животных слова, обозначающие мясо этих животных. Сама по себе эта группа слов невелика, так как невелико число слов, от которых может быть образовано название мяса. Кроме того, с этим же значением используется выросший из нашего суффикса суффикс *-ятина*: *курятина*, *гусятина*, *медвежатина*, ср. также просторечное *коровятина*.

В словах третьей группы суффикс имеет увеличительное значение. Таких слов немного в современном языке, потому что чаще с этим значением используются другие суффиксы, например *-ище*: *домище*, *ветрище*, *столище*, *слонище*.

Посмотрите, как выразительны слова с суффиксом *-ище*: «Шукавский мужик жеребца привел... *копытища* — во!» (А. И. Эртель. Гарденины); «От Тюмени до Томска страшенный *холодище* днем и ночью» (А. П. Чехов. Письмо от 5 июня 1890 г.);

Я думал — ты всесильный *божище*,
а ты недоучка, крохотный божик

(В. В. Маяковский. Облако в штанах);

Ох, вечер, вечер, вечер —
Лопата тяжела.
Не поднять, не вывернуть,
Не прижать ногой.
Не вытащить, не выковырнуть
Глинищи тугой

(Д. Сухарев. Воспоминание о сорок девятом);

Наполнил высоким чувством
Октябрьский крутой *ураганище*...

(И. Драч. Небо моих надежд)

«На левой руке розовые шрамы: электрод попал в рукавицу, здорово обожгло. Но это ничего. Главное — она

от боли не заметалась, не потеряла равновесия. А то бы на такой *высотище...*» («Литературная газета», 3 августа 1961 г.).

Нашему же суффиксу *-ина* мешает его многозначность. Захочешь сказать *слонина* (в значении «большой слон»), а подумают, что ты говоришь о слоновьем мясе. Скажешь *столина*, и самому неясно, что обозначает это слово: единичный стол или большой стол.

Суффикс *-ина* производит слова и с другими значениями (например, *выбоина*, *промоина*, *пробоина*).

Приведу еще одну группу существительных с суффиксом *-ина*: *величина́*, *глубина́*, *тишина́*, *ширина́*, *толщина́*, *седина́*.

Здесь наш суффикс используется для образования существительных с отвлеченным значением. В этой группе он всегда имеет ударение на *-а*, что его отличает от предыдущих.

Из всех суффиксов-братьев *-ина* самый деятельный, активный, тот, который производит названия единичных предметов. И легко понять почему. У него нет конкурентов. Ведь в русском языке нет других суффиксов, которые имели бы значение единичности, а суффиксов со значением увеличительности и отвлеченности (например, *смел-ость*, *добр-ота*, *крив-изна*) много.

Вот еще примеры суффиксов-близнецов:

ница: I. учитель-ница
преподаватель-ница
доверитель-ница
распорядитель-ница
писатель-ница

II. салат-ница
сахар-ница
мыль-ница
пепель-ница
переч-ница

-ка: I. артист-ка
студент-ка
хлебосол-ка
домосед-ка
грузин-ка
осетин-ка

II. погруз-ка
сортиров-ка
налад-ка
перестрой-ка
крой-ка
обрез-ка

III. свадеб-ка
усадеб-ка
рыб-ка
шуб-ка
голов-ка
конфет-ка
шоколад-ка

IV. пятитон-ка
зачет-ка
семилет-ка
электрич-ка
узкоколей-ка
многотираж-ка

Подумайте сами, какие значения имеют эти суффиксы в каждой группе слов [31]?

Есть близнецы и среди приставок. Особенно много их у глагольных приставок: *переехать* поле, *перейти* речку, *переползти* дорогу, *переплыть* озеро, *перелететь* океан, *переписать* сочинение, *перешить* платье, *перестроить* дом, *пересолить* суп, *переварить* варенье, *перечинить* белье, *перечитать* все книги, *перебить* всю посуду, *перепортить* все, *перезнакомить* всех, *перебросать* все камни.

Присмотритесь к этому длинному ряду глаголов с приставкой *пере-*. Во всех ли глаголах приставка имеет одно и то же значение? Разделите эту цепочку на части соответственно разным значениям приставки. Сколько частей получилось? Наверное, четыре. А значения у приставки вот какие: «через» (переплыть озеро); «еще раз», «наново» (перешить платье); «чересчур» (пересолить суп); наконец, в четвертом случае приставка обозначает «охват действием всех предметов» (перечитать все книги).

Встречаются в нашем языке и корни-близнецы. Возьмем слова: *приводить*, *провод*, *уводить*, *проводка* (электрическая); *водяной*, *водичка*, *наводнение*, *подводный*.

Каждому видно, что здесь два корня *вод*: один глагольный, связанный с действием *водить*, второй — существительного *вода*. А в слово *водопровод* попали оба эти корня, каждый со своим значением. Есть у нас корни-близнецы *нос*. Попробуйте придумать слова с ними.

Слово без корня

Мы все время занимались изучением свойств суффиксов и приставок, их роли в построении слов. Однако каждому ясно, что главное в слове — корень. Без корней слов не бывает, а без суффиксов и приставок сколько угодно: *стол*, *дом*, *шкаф*, *небо*, *белый*, *стена* и тысячи других. Между тем оказывается, что есть слово без корня. И не какое-нибудь необыкновенное, а самое простое. Глагол *вынуть*. Попробуем расчленить его на морфемы: *вы*-— при-

---

[31] Ответ: *-ница*: I — лицо женского пола, II — вместилище для хранения; *-ка*: I — лицо женского пола; II — название действия по глаголу; III — уменьшительность; IV — название чего-нибудь одним словом в соответствии с развернутым названием, состоящим из двух слов: *вачетка* — зачетная книжка, *семилетка́* — семилетний план.

ставка, *-ну-* — суффикс глагола (ср. *тянуть*, *двинуть*), *-ть* — окончание инфинитива. Где корень? Его нет. А слово существует, все его понимают, значит, и без корня оно имеет значение.

Куда же девался корень? Он исчез в результате звуковых изменений, которые претерпело это слово. Глагол *вынуть* (несовершенный вид *вынимать*) — родственник глаголов *отнять — отнимать*, *занять — занимать*, *снять — снимать* и т. п. Глаголы *отнять*, *занять*, *поднять*, *снять* и т. п. имеют древний корень *-я-* со значением «брать». Состав этих слов с исторической точки зрения можно изобразить так: *от-н-я-ть*, *за-н-я-ть*, *под-н-я-ть*, *с-н-я-ть*, *об-н-я-ть*, *вз-я-ть*. А что такое звук *н* в составе этих слов? Звук *н* — часть приставки. Этот звук появлялся после некоторых приставок в тех случаях, когда корень слова начинался с гласного звука. Такого же происхождения начальный звук *н* в наших местоимениях, употребляемых с предлогами: к *н*ему (но: пишу *ему*), с *н*им (но: доволен *им*), к *н*ей (но: говорю *ей*). Теперь нам осталось понять только одно — почему корень *я* изменился в *у* в слове *вынуть*? Это объясняется просто. Корень *-я-* очень коротенький, невыразительный, самостоятельно в словах без приставок перестал употребляться. Значение его забылось. Сочетание *-ня-* в слове *вынять* (как было ранее) стало непонятным. Зато во многих глаголах встречался деятельный, активный суффикс *-ну-*. По аналогии с этими глаголами слово *вынять* изменилось в *вынуть*, потеряв при этом корень. Во многих народных говорах и теперь говорят: *выня́ть*, *он выня́ет*. Это сохранение старой формы.

Есть в языке и другие необыкновенные случаи, когда корень слова такой маленький, невыразительный и непонятный, что все значение слова передают приставки и суффиксы. Попробуйте разделить на составные части самые обычные слова — глаголы *обуть* и *разуть*. Каков их состав? В этих словах ясно выделяются приставки *об-* (обозначает направление действия вокруг предмета; ср.: *обмотать*, *облепить*, *обвязать*), *раз-* (обозначает действие, противоположное другому действию: *обмотать — размотать*, *обвязать — развязать*, *одеть — раздеть*) и суффикс инфинитива *-ть*. Корень не исчез, он сохранился: *-у-*. Но что он значит? Сам по себе ничего. Отдельно он не употребляется, встречается только в «связанном» виде — в окружении приставки и суффикса. Тот же корень, несом-

ненно, сохранился в существительном *обувь*. Однако в этом слове он не выделяется так легко, как в наших глаголах. Почему? Да потому, что окружение корня — приставка и суффикс — в имени существительном не вычленяется так легко, как это происходит в глаголах. Ведь и в глаголах корень-*у-* не выделяется сам по себе, а лишь вычленяется как остаток от легко выделяемых приставки и окончания.

Глаголы *обуть* и *разуть* противоположны по значению, и эта противоположность, противопоставленность их значения связывается с различием значения приставок *раз-* и *об-* (остальные части слова совпадают у этих глаголов). Поэтому-то приставки так легко и выделяются из состава этих глаголов. Окончание инфинитива также вычленяется очень отчетливо, так как это распространенная и деятельная морфема, встречающаяся в тысячах слов. Совсем не такую роль играют суффикс и приставка в существительном *обувь*. Значение приставки в этом слове неясно, хотя вообще в языке приставка *об-* живая. Что касается суффикса *-вь*, то он мертвый, и значение его говорящим непонятно совсем. Вот почему слово *обувь* в современном языке простое, неразложимое. Маленький корень *-у-* объединил приставку и суффикс, создав новый корень, от которого образуются слова *обувщик*, *обувной* и др.

«Связанные» основы

Суффиксы и приставки отличаются от корней тем, что они не имеют в языке самостоятельного употребления. Они всегда находятся при корне слова как бы «привязанные» к нему. Корни же слова употребляются и в соединении с суффиксами и приставками (*стол-ик*, *при-вкус*, *бес-сон-ница*) и самостоятельно (*стол*, *вкус*, *сон*). Однако в русском языке есть слова, корни которых тоже живут в языке только в соединении с суффиксами и приставками, т. е. в связанном виде. С такими словами мы с вами уже познакомились. Это рассмотренные в предыдущем разделе слова *обуть*, *разуть*, *снять*, *отнять*, *поднять*, *принять* и т. п. Корни этих слов (*-у-* и *-я-*) встречаются лишь в связанном виде. Связанные основы мы находим также в словах: *свергнуть*, *отвергнуть*, *низвергнуть*; *добавить*, *отбавить*, *прибавить*, *добавка*, *прибавка*, *прибавление*; *вонзить*, *пронзить*; *достигнуть*, *застигнуть*, *настигнуть*; *птица*, *птенец*; *зря-*

чий, *зрение*, *обозреть*, *обозреватель*. Когда-то в прошлом корни подобных слов употреблялись и самостоятельно, но с течением времени такие слова ушли из языка, а сохранились лишь те, в которых эти корни соединены с суффиксами и приставками. Такие слова, несмотря на связанность их основ, могут сохранять свой производный характер, свою членимость на морфемы.

Разберем для примера слова с корнем *-верг-*. Этот корень встречается в ряде глаголов с приставками (*ввергнуть*, *свергнуть*, *низвергнуть*, *отвергнуть*, *подвергнуть*, *опровергнуть*) и в образованных от них существительных (*низвержение*, *свержение*, *извержение* и др.). В современном языке корень *-верг-* сам по себе непонятен. Его значение можно вывести только из состава тех слов, в которые он входит. В XVIII в. слово *вергнуть* (со значением «кинуть, бросить») еще могло употребляться свободно, без приставок, в торжественном книжном языке. В живой речи того времени оно было уже неупотребительно. В современном языке многие слова с корнем *-верг-* делятся на морфемы и являются производными благодаря тому, что они составляют группу объединенных в смысловом отношении слов и значение приставок в них выступает вполне отчетливо: *ввергнуть* в бездну (направление действия внутрь, ср.: *внести*, *ввести*, *входить*, *вдвинуть*), *отвергнуть* предложение (направление действия от чего-нибудь, ср.: *отбросить*, *откинуть*, *отодвинуть*), *свергнуть* царя, *низвергнуть* тирана (в обоих случаях направление действия вниз, ср.: *сбросить* царя, *низринуться* с горы), *извержение* вулкана (направление действия изнутри чего-нибудь).

Косвенным подтверждением того, что корень *-верг-* в современном языке вычленяется из состава слова и в какой-то степени осмысляется, является тот факт, что В.В. Маяковский, тонко чувствовавший русский язык, употребляет его как самостоятельное слово:

Встаньте,
ложью *верженные* ниц...

(Война и мир).

Однако не все слова с корнем *-верг-* так четко делятся на составные части, как только что приведенные. В тех словах, в которых значение приставки не выступает так отчетливо, как в разобранных выше, членимость на мор-

фемы ослабляется, и они постепенно утрачивают свой производный характер.

Возьмем глагол *повергнуть*. Что значит приставка *по-* в составе этого слова? Неясно. Глагол *повергнуть* имеет в современном языке два значения: «повалить, опрокинуть» (он *поверг* противника на землю) и «привести в какое-либо состояние» (я был *повергнут* в отчаяние). Ни в том, ни в другом случае значение приставки *по-* как составного элемента слова не выделяется.

Неясно значение приставок и в словах *подвергнуть*, *опровергнуть*. Эти глаголы утратили свои первоначальные конкретные значения. Раньше глагол *подвергнуть* значил «бросить вниз, подо что-нибудь», и значение приставки в его составе было вполне ясно (ср. глаголы с аналогичным значением приставки *под-*: *подлезть* под кровать, *подставить* ведро под умывальник). Тогда этот глагол употреблялся в сочетании с предлогом *под*: *подвергнуть подо* что-нибудь. В современном языке этот глагол имеет отвлеченное значение, в связи с чем изменилось и его управление, т. е. сочетаемость с другими словами. Он сочетается теперь с дательным падежом беспредложным (подвергнуть *чему*): «Проект новой больницы *подвергли критике* на совместном заседании врачей и архитекторов». Совершенно очевидно, что в современном глаголе *подвергнуть* значение приставки неясно, благодаря чему она и не выделяется из состава слова. Поэтому глагол *подвергнуть*, так же как и образованные от него слова *подверженный* (склонный к чему-нибудь, например: «ребенок легко *подвержен* простудам») и *подверженность* (склонность к чему-нибудь), утратили свой производный характер.

Перестало выделяться значение приставки и в слове *опровергнуть*, обозначающем «доказать ложность, неверность чего-нибудь», например: «Иванов легко *опроверг* все предъявленные ему обвинения».

В современном языке имеются еще слова *приверженный* (преданный кому-нибудь, являющийся сторонником кого-нибудь), *приверженец* (сторонник чего-нибудь или кого-нибудь), *приверженность* (верность, преданность чему-нибудь или кому-нибудь), образованные от вышедшего из употребления глагола *привергнуть*. Во всех этих словах, вследствие развития новых отвлеченных значений, значение приставки неясно, и она не выделяется из состава слова.

Это привело постепенно к утрате производного характера слова, к его опрощению.

Какой же вывод можно сделать из анализа слов со связанными основами?

Не только суффиксы и приставки,но и некоторые корни имеют связанный характер, т. е. не могут самостоятельно употребляться в языке.

Слова со связанными основами иногда сохраняют свой производный характер, членимость на составные части. Степень членимости этих слов различна. Она зависит от характера их значения (конкретного или отвлеченного) и наличия в языке ряда слов с тем же корнем. Чем конкретнее значение слова, чем яснее в слове значение входящих в него словообразовательных морфем, чем активнее и деятельнее в языке эти морфемы, тем отчетливее делимость слова, его производность.

В глаголах с маленьким корнем *-я-*: *отнять*, *снять*, *поднять*, *принять*, *разнять*, *обнять* приставки имеют ясное пространственное значение и выделяются из состава слова. Благодаря этому перечисленные слова не утрачивают полностью своей членимости, хотя значение корня *-я-* в современном языке и непонятно. В этих и им подобных словах центр смысловой тяжести слова перенесен на приставку, она более значима в составе слова, чем корень. А в словах с тем же корнем *понять* (постигнуть умом), несовершенный вид *понимать*; *внять* (обратить внимание на что-нибудь, слушать что-нибудь), несовершенный вид *внимать* — приставки не выделяются, их значение в слове неясно, так как эти слова утратили свои первоначальные конкретные значения. В этих глаголах заросли швы (границы) между приставкой и корнем, и они стали непроизводными. Эти глаголы сделались центрами словообразовательных гнезд: *понять — понимать — понятие — понятный — понимание — понятность — понятливый — понятливость*; *внять — внимать — внимание — внимательный — внимательность*.

Утрачивать делимость на составные части могут также и слова с конкретными значениями в тех случаях, когда значение слова не складывается из значения входящих в него морфем. Так, в глаголе *взять*, сохранившем конкретное значение приставка *вз-* не выделяется, потому что значение этого глагола равно значению глагола без приставки (ведь древний корень *-я-*, о котором мы говорили

раньше, имел значение «брать, взять») и не содержит никакого дополнительного элемента, который мог бы связываться со значением приставки.

* * *

Дар речи — великое счастье человека. Любить свой родной язык, хорошо знать его, уметь пользоваться им во всем его богатстве — это и обязанность, и радость человека. Очень важно, чтобы каждый понимал, из чего складываются слова его родного языка, как важны и интересны эти маленькие «кусочки» слов (приставки, суффиксы, окончания), о которых иногда с детства остается воспоминание как о чем-то скучном и мало интересном.

Оглавление

1. Слова готовые и сделанные 6

2. Если бы не было производных слов 7

3. Из чего строятся слова? 12
   «Стройматериалы» слова 12
   Деятельные и бездеятельные суффиксы и приставки 20

4. Как строятся слова? 23
   Способы построения слов 23
   Крупноблочные слова 43
   Капризы суффиксов и приставок 45
   Узор без вышивки 52
   Узус — законодатель 57
   Слова-беззаконники 59

5. Жизнь морфем в языке 66
   И морфемы умирают 66
   Корни-захватчики 67
   Как растут суффиксы? 69
   Бывают ли захватчиками приставки? 71
   Суффиксы и приставки чужестранцы 74
   Всяк сверчок знай свой шесток 77
   Близнецы 82
   Слово без корня 86
   «Связанные» основы 88

Елена Александровна Земская

Как делаются слова

Утверждено к печати
редколлегией научно-популярной литературы
Академии наук СССР

Редактор издательства *Е. И. Володина*
Художник *Н. А. Савенко*
Технический редактор *А. П. Гусева*
Корректор *В. А. Бобров*

РИСО АН СССР № 77-162В. Сдано в набор 25/V 1963 г.
Подписано к печати 27/VIII 1963 г. Формат 84×108¹/₃₂.
Печ. л. 3. Усл.-печ. л. 4,92. Уч.-изд. л.4,5.
Тираж 70000 экз. Т-04693. Изд. №1829. Тип. зак. № 2262.

Цена 14 к.

Издательство Академии наук СССР
Москва, К-62, Подсосенский пер., 21

2-я типография Издательства АН СССР
Москва, Г-99, Шубинский пер., 10

ИЗДАТЕЛЬСТВО
АКАДЕМИИ НАУК СССР

КОНТОРА «АКАДЕМКНИГА»

Имеются в продаже:

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Абрамова Г. И., Глясс Е. М. и др. Грамматическое руководство для развития навыков устной речи. 1963. 86 стр. 17 коп.

Гадолина М. А. История форм личных и возвратного местоимений в славянских языках. 1963. 147 стр. 59 коп.

Историческая грамматика и лексикология русского языка. Материалы и исследования. 1962. 212 стр. 1 р. 21 к.

Лингвистическое источниковедение. 1963. 158 стр. 48 коп.

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Андреев Ю. А. Русский советский исторический роман. 1962. 167 стр. 77 коп.

Венгров Н. Путь Александра Блока. 1963. 415 стр. 1 р. 28 к.

Виноградов В. В. Стилистика, теория поэтической речи, поэтика. 1963. 255 стр. 85 коп.

Маслин Н. Роман Шолохова. 1963. 256 стр. 86 коп.

ГОТОВЯТСЯ К ПЕЧАТИ:

Борковский В. И., Кузнецов П. С. Историческая грамматика русского языка. 35 л. 2 р. 25 к.

Виноградов В. В. Сюжет и стиль. Сравнительно-историческое исследование. 13 л. 70 к.

Жирмунский В. М. Язык и стих. 5 л. 30 коп.

Морфологическая структура слова в языках различных типов. 18 л. 1 р. 18 к.

Панфилов В. З. Логика и грамматика. 5 л. 30 коп.

Предварительные заказы на книги принимаются магазинами книготорговли «Академкнига».

Для получения книг почтой заказы просим направлять по адресу: ***Москва, Центр, Б. Черкасский пер., 2/10,*** магазин «Книга-почтой» или в ближайший магазин «Академкнига».

АДРЕСА МАГАЗИНОВ «АКАДЕМКНИГА»:

Москва, ул. Горького, 6 (магазин № 1); ***Москва,*** 1-й Академический проезд, 55/5 (магазин № 2); ***Ленинград,*** Д-120, Литейный проспект, 57; ***Свердловск,*** ул. Белинского, 71-в; ***Киев,*** ул. Ленина, 42; ***Харьков,*** Уфимский пер., 4/6. ***Алма-Ата,*** ул. Фурманова, 129; ***Ташкент,*** ул. Карла Маркса, 29; ***Баку,*** ул. Джапаридзе, 13; ***Новосибирск,*** Красный проспект, 51.

«Академкнига»

Цена 14 к.